

Артур Конан Дойл Сэр Найджел Лоринг Исторический роман

I. Дом Лоринов

В июле 1348 года в промежутке между праздниками св. Бенедикта и св. Свитина в Англии произошло странное событие: с востока появилась чудовищная, грозная, пурпурового цвета туча, медленно подымавшаяся по безмолвному небу. Под тенью этой странной тучи листья осыпались с деревьев, птицы прерывали свое чириканье, а домашний скот и овцы в трепете собирались у изгородей. Мрак пал на всю страну; люди стояли, устремив глаза на странную тучу, с тяжестью на сердце. Они пробирались к церкви, где дрожащие священники благословляли и исповедовали дрожащий народ. В воздухе не летало ни одной птицы, не доносилось шелеста лесов, никаких обычных звуков природы. Все было тихо и неподвижно; только большая туча медленно подвигалась вперед по черному горизонту. На западе виднелось чистое летнее небо, а с востока медленно ползла эта мрачная туча, пока не исчезла последняя синяя полоса и все огромное небесное пространство не обратилось в громадный

свинцовый свод.

Тогда пошел дождь. Он шел целый день, и целую ночь, и целую неделю, и целый месяц так, что люди забыли о голубом небе и солнечном свете. Дождь не был силен, но он шел постоянно и беспрерывно и был холоден; людям надоело его шлепанье и плеск, надоело слышать шум капель, падавших с карнизов зданий. Все та же густая зловещая туча с падавшим из нее дождем переходила от востока к западу. Благодаря постоянной завесе дождя люди, стоя на пороге своих жилищ, могли видеть только на расстоянии полета стрелы. Каждое утро они смотрели на небо, надеясь, что туча разорвется, но глаза их постоянно встречали все ту же бесконечную тучу, так что наконец они перестали смотреть на небо и отчаяние проникло в их сердца при мысли, что перемены не будет никогда.

Дождь шел и в день св. Петра в веригах¹, и в Рождество Пресвятой Богородицы, продолжал идти и в день Михаила Архангела. Хлеба и сено, промокшие и почерневшие, сгнили в полях, потому что не стоило убирать их. Овцы, равно как и телята, околевали, так что к дню св. Мартина, когда нужно было солить мясо на зиму, почти не было ни

¹ 1 августа.

баранины, ни телятины. Опасались голода, но впереди было нечто худшее, чем голод.

Дождь наконец перестал, и осеннее солнце светило на грязную и пропитанную водой землю. От сырых сгнивших листьев подымались гнилые испарения под зловонным туманом, окутывавшим леса. Поля были покрыты громадными грибами невиданных размеров и невиданных цветов — пунцового, лилового, коричневого и черного. Казалось, больная земля вся покрылась грязными гнойными нарывами, ржавчина и мох испестрили стены, а из земли вместе с этой вредной жатвой появилась смерть. Люди умирали — барон в замке, свободный поселянин на ферме, монах в аббатстве, виллан² в своей мазанке из прутьев. Все дышали одними и теми же ядовитыми испарениями и умирали одинаковой смертью. Никто из захворавших не выздоравливал, и болезнь была у всех одна и та же — большие нарывы, бред и черные пятна, по имени которых и называлась болезнь. Всю зиму трупы разлагались по дорогам, так как некому было хоронить их. Наконец пришла весна с солнцем, здоровьем, весельем — и смехом — самая зеленая, самая прелестная и нежная изо

² Крестьянин в средневековой Англии, аналог российского крепостного. — Прим. ред.

всех весен, когда-либо бывавших в Англии, но только половина жителей Англии могла оценить ее. Другая половина ушла вместе с пурпуровой тучей.

Но именно в этих испарениях смерти и разложения родилась более светлая и свободная Англия. В этот мрачный час зародилась первая заря новой жизни. Только сильным подъемом духа и переворотом страна могла сбросить цепи, в которых держала ее железная феодальная система. Теперь, после года смерти, появилась новая страна. Бароны полегли рядами. Ни высокая башня, ни глубокий ров не могли удержать простого коммонера³, разрушавшего их. Жестокие законы ослабели вследствие недостатка тех, кто поддерживал их, а раз они ослабели, то их было уже невозможно ввести вновь. Земледелец не хотел оставаться рабом. Узник разбил свои оковы. Дела было мною, а людей для него мало. Поэтому небольшое количество оставшихся хотело быть свободными людьми, ставило свои условия и работало, где хотело и на кого хотело. Черная смерть расчистила путь великому восстанию, которое вспыхнуло через тридцать лет и сделало английских крестьян самыми свободными людьми своего класса в Европе.

³ Человек незнатного происхождения. — Прим. ред.

Но мало было людей настолько проницательных, чтобы предвидеть, что из зла может выйти добро. В данное время в каждой семье царили печаль и разорение. Погибли скот, несобранная жатва, необработанная земля — все источники богатства исчезли в одно время. Богатые стали бедными, а те, которые уже были бедны, и в особенности люди благородного происхождения, очутились в ужасном положении. По всей Англии низшее дворянство оказалось разоренным потому, что у него, кроме войны, не было источников и оно жило трудами других. Для многих замков настали плохие времена; особенно плохо было в замке Тилфорд, где проживали в продолжение многих лет поколения благородного рода Лоринов.

Было время, когда Лоринам принадлежала вся страна — от северной низменности до озер Френшэма, когда их угрюмый замок, возвышавшийся над зелеными лугами, которые лежат по краям реки Уэй, был сильнейшей крепостью от Гилдфорда на востоке и до Винчестера на западе. Но потом наступила война баронов; король употребил своих саксонских подданных как бич, которым он наказал своих норманнских баронов, и замок Лорин, подобно множеству других, был сметен с лица земли. С этого времени Лорины, потерявшие много поместий, жили в доме, составлявшем вдовью часть

женщин их семьи. У них осталось достаточно средств для довольства, но недостаточно для роскоши. Затем началось судебное дело с Уэверлийским аббатством; цистерцианцы ⁴ предъявили свои права на их богатейшие земли, а от остальных потребовали различных налогов, поштин, которыми так изобиловала феодальная эпоха. Тяжба продолжалась много лет, и, когда окончилась, люди церкви и люди закона поделили между собой все богатство поместья. Остался только старый замок, из которого в каждом поколении появлялся воин, поддерживавший честь своего имени, и серебряный щит которого с пятью красными розами появлялся всегда в авангарде. В маленькой часовне, где отец Мэттью совершал ежедневно обедню, было двенадцать маленьких бронзовых фигур — представителей дома Лоринов. Двое из них лежали с перекрещенными ногами в знак того, что участвовали в крестовых походах. Шестеро стояли, попирая ногами львов, так как умерли на войне. Только четверо лежали со своими Охотничьими собаками в знак того, что скончались в мире. В 1349 году от этого знаменитого, но

⁴ Католический монашеский орден; основан в конце XI столетия; первый монастырь располагался неподалеку от французского города Дижона. — Прим. ред.

обедневшего — вдвойне обедневшего от закона и чумы — рода осталось в живых только двое — леди Эрментруда Лорин и ее внук. Муж леди Эрментруды пал, пораженный шотландской стрелой, при Стирлинге, а ее сын Юстэс, отец Найгеля, умер геройской смертью за девять лет до начала этого рассказа в морском бою при Слюпса, сражаясь на носу норманнской галеры. Одинокая старуха, ожесточенная и вся ушедшая в свою скорбь, заперлась, словно сокол в клетке, в своей комнате, смягчаясь только в обществе воспитанного ею мальчика. Вся нежность и любовь ее натуры, скрытые от других настолько, что они и не подозревали о существовании в ней этих чувств, изливались на Найгеля. Она не отпускала его от себя, а он, со свойственным тому времени уважением к авторитету старших родственников, не решился бы никогда уехать без ее благословения и согласия. Таким образом вышло, что Найгель с сердцем льва и кровью сотни воинов, трепетавшей в его жилах, в двадцать два года вел мирную жизнь, обучая своих соколов и дрессируя собак, которые жили сообща с хозяевами в большом зале с земляным полом.

Старая леди Эрментруда видела, как внук с каждым днем становился сильнее и мужественнее; правда, он был мал ростом, но мускулы у него были стальные, а душа огненная. Со всех сторон, из

Гилфордско-го залива, с места турнира в Фэрнгейме, до нее доходили слухи о подвигах Найгеля, о его лихом наездничестве, о великодушной храбрости, об умелом обращении с оружием. Но, несмотря на все это, она, муж и сын которой были отняты у нее жестокой смертью, не могла вынести мысли, что этот последний Лорин, последний отпрыск знаменитого старого древа, должен разделить участь отца и деда. С тяжестью на сердце, но с улыбкой на устах переносил Найгель свою скучную жизнь, а леди Эрментруда все откладывала печальный день разлуки: то до лучшей жатвы, то до тех пор, когда уэверлийские монахи отдадут захваченные ими владения Лорина, то до смерти дяди, который, умирая, должен был оставить Найгелю денег на снаряжение, то под каким-либо другим предлогом. Да и действительно, Тилфорд нуждался в присутствии мужчины, так как распря между аббатством и замком еще не была закончена и монахи под различными предлогами продолжали оттягивать у соседа куски его поместья. Над извивающейся рекой, среди зеленых лугов подымались небольшая квадратная башня и высокие серые стены угрюмого аббатства; день и ночь звучал его хриплый колокол, угроза и предмет ужаса для малочисленных обитателей замка.

В сердце этого большого цистерцианскош монастыря и начинается наша хроника. Мы опишем

вражду между монахами и домом Лоринов, происшествия, вызвавшие эту вражду, появление Чандоса, странный турнир на Тилфордском мосту и три подвига, давшие Найгелю возможность осуществить страстное желание его сердца. В романе «Белый Отряд» уже упоминалось о том, каков был Найгель Лорин. Любящие его могут теперь узнать, почему он стал таким человеком. Оглянемся же назад и взглянем на зеленую арену Англии. Декорация такая же, как и теперь, — те же холмы, равнины, реки; актеры в некоторых отношениях совершенно похожи на нас; в других так отличаются от нас поступками и мыслями, что кажутся обитателями иного мира.

II. Как дьявол появился в Уэверли

Был день первого мая, когда празднуется память св. апостолов Филиппа и Иакова, Год — тысяча триста сорок девятый от Рождества Христова.

С третьего часа до шестого и с шестого до девятого преподобный Джон, аббат Уэверли, сидел в своем кабинете, выполняя высокие обязанности своего служения. Вокруг, на много миль во все стороны, простирались плодородные, цветущие владения, хозяином которых он состоял. В центре высились обширные здания аббатства с церковью и

монастырскими кельями, странноприимным домом, госпиталем и сборной залой; везде кипела жизнь. В открытое окно слышался тихий гул голосов братьев, которые ходили внизу, в приемной, занимаясь благочестивыми разговорами. Из церкви доносились отдаленные звуки грегорианского напева, то падавшие, то поднимавшиеся, — это регент занимался со своим хором; внизу, в зале поучений, раздавался пронзительный голос брата Петра, объяснявшего послушникам правила св. Бернарда. Аббат Джон встал, чтобы расправить окоченевшие члены. Он взглянул на зеленые монастырские луга и на грациозную линию готических арок, которые окаймляли закрытую галерею, служившую местом прогулки для монахов. Парно, в своих черных и белых одеждах, ходили они взад и вперед с опущенными головами. Некоторые, более прилежные, принесли с собой книги и, сторбившись и наклонив лица к белым листам, сидели на солнце, иллюминируя книги св. писания; перед ними лежали лепешки краски и пачки золотых листиков. Тут же были и граверы со своими резцами и грабштихелями. Цистерцианцы не отличались такой ученостью и знанием искусств, как родственный им орден бенедиктинцев, но все же библиотека в Уэверли была наполнена драгоценными книгами и в ней постоянно находились благочестивые ученые. Но

более всего прославились цистерцианцы своими полевыми работами. Из сада или с полей в монастырь постоянно входили загорелые монахи с грязной киркой или лопатой в руках, с подобранными по колено рясами. Тучные зеленые заливные луга, усеянные овцами с густой шерстью десятины, засеянные хлебными злаками, очищенные от сорных трав и вереска, виноградники на южном склоне горы Круксберри, хенклийские рыбные садки, осушенные и засеянные овощами френшэмские болота, громадные голубятни — все вокруг обширного аббатства носило явные следы трудов ордена.

Аббат смотрел на своих многочисленных покорных подчиненных, и его полное цветущее лицо сияло мирным удовольствием. Как и все главы преуспевающих аббатств, аббат Джон — четвертый по счету этого имени — был человек разнообразных талантов. Посредством избранных орудий его воли он управлял обширными владениями и поддерживал порядок и благопристойность среди большого количества людей, ведших холостую жизнь. Аббат требовал суровой дисциплины от низших и в то же время с тонкой дипломатичностью относился к высшим. Он вел пространные дебаты с соседними аббатами и лордами, с папскими легатами и при случае даже с самим его величеством королем. Многие нужно

было ему знать. Богословские вопросы, вопросы архитектуры, лесоводства, агрономии, дренажа, юриспруденции — все поступало на решение аббата. Он держал в руках весы правосудия во всей местности вокруг аббатства, на несколько миль. Навлечь на себя его гнев для монахов значило подвергнуться посту, изгнанию в более строгий монастырь и даже заточению в цепи. И на светского человека он мог наложить какое угодно наказание, за исключением смертной казни, но в руках у него было гораздо более страшное орудие — отлучение от церкви. Такова была власть аббата, и потому не было ничего удивительного в том, что румяное лицо его носило властное выражение, а братья, взглянув наверх и увидев в окне смотрящее на них серьезное лицо, принимали еще более кроткий и смиренный вид, чем обыкновенно.

Кто-то постучал в дверь. Аббат вспомнил о делах и вернулся к письменному столу. Он переговорил уже с казначеем и приором, с раздавателем милостыни, с капелланом и с лектором; но вошедший высокий худой монах, явившийся по зову аббата, был самым важным и в то же время самым несносным из его агентов. То был брат ключарь — Сэмюэл, обязанность которого, соответствующая обязанности управляющего у светского человека, состояла в том, что он наблюдал за всеми материальными

интересами монастыря и вел все дела с внешним миром, подчиняясь только аббату. Брат Сэмюэл был худощавый жилистый старик с резкими, суровыми чертами лица, в выражении которого не было ничего одухотворенного; напротив, оно ясно показывало, что ему постоянно приходилось иметь дело с простым рабочим миром. Под мышкой одной руки он держал громадную счетную книгу; в другой руке у него была большая связка ключей — знак его должности и в минуты гнева орудие наказания, о чем свидетельствовали шрамы на головах крестьян и светских братьев.

Аббат тяжело вздохнул, так как и ему приходилось много страдать от своего усердного помощника.

— Ну, чего желаете, брат Сэмюэл? — спросил он.

— Святой отец, я должен доложить вам, что продал шерсть мастеру Болдуину из Винчестера на два шиллинга за тюк дороже, чем в прошлом году, потому что цена поднялась из-за падежа овец.

— Хорошо сделали, брат мой.

— Должен еще сказать вам, что я выселил Вата, лесника, из коттеджа, так как он еще не уплатил арендной платы, которая должна была быть внесена к Рождеству, а также и налога на куриц на прошлый год.

— У него жена и четверо детей, брат мой.

Аббат был добрый, снисходительный человек, хотя я склонный подчиняться влиянию своего более сурового подчиненного.

— Это правда, святой отец; но если я спущу ему, то как же мне спросить аренду с лесников в Петтенгэме или с крестьян в деревне? Подобного рода известия распространяются из дома в дом, и куда денется тогда богатство Уэверли?

— Что еще, брат Сэмюэл?

— О рыбном садке.

Лицо аббата прояснилось. Он был знаток в этом деле. Правила ордена лишили его более нежных радостей жизни, и потому он тем сильнее пользовался предоставленными.

— Ну как насчет хариусов, брат мой?

— Хорошо, святой отец; но в аббатском пруду околели карпы.

— Карпы могут жить только на песчаном дне. И сажать их надо в известной пропорции по три самца на одну самку, брат ключарь; а место должно быть защищено от ветра, каменистое и песчаное, около аршина в глубину, с ивами и травой по берегам. Для линей — тина, брат мой; для карпов — песок.

Ключарь нагнул, и на лице его появилось выражение, указывавшее на то, что он принес дурные вести.

— В аббатском пруду появилась щука, —

сказал он.

— Щука! — в ужасе крикнул аббат. — Это все равно как если бы волк появился в нашей овчарне. Как попала в пруд щука? В прошлом году не было щук; не выпадает же щука весной вместе с дождем и снегом. Надо будет осушить пруд, а не то придется нам в великом посту питаться треской, и братья у нас сильно переболеют, пока наступление Пасхи не разрешит нас от воздержания.

— Пруд будет осушен, святой отец. Я уже отдал приказание. Потом на его илистом дне мы посадим огородные овощи, а, собрав их, вернем воду и посадим рыбу из нижнего пруда так, что она может разжиреть на тучном жнивье.

— Прекрасно! — воскликнул аббат, — В каждом хорошем хозяйстве, по-моему, должно быть три рыбных садка — один, сухой, для трав, другой, Мелкий, для только что родившихся и годовалых рыб и третий — глубокий — для крупной и столовой рыбы. Но все же вы так и не рассказали мне, как попала в пруд щука.

Судорога гнева пробежала по суровому лицу ключаря, и ключи загремели в костлявой руке.

— Молодой Найгель Лорин, — сказал он. — Он поклялся, что сделает нам неприятность, и исполнил свою клятву.

— Как вы узнали это?

— Шесть недель тому назад видели, как он

изо дня в день ловил щук в Френшэмском озере. Два раза его встречали по ночам со связкой соломы под мышкой в Хенклийской долине. Ну, я готов побиться о заклад, что солома была сырая и в ней лежала щука!

Аббат покачал головой.

— Много я слышал о диких выходках этого юноши; но если вы говорите правду, то он перешел всякие границы. Плохо было и то, когда он убил королевскую лань в Вулмере или разбил голову торговцу Гоббсу, так что тот пролежал неделю между жизнью и смертью в нашей больнице и только искусное лечение травами брата Питера спасло его. Но пустить щуку в аббатский пруд... зачем ему было проделать такую дьявольскую штуку?

— Затем, что он ненавидит Уэверлийское аббатство, святдй отец; он клянется, что мы завладели землей его отца.

— Тут есть некоторая доля правды.

— Но, святой отец, мы владеем только тем, что присудил нам закон.

— Верно, брат мой, но между нами можно сознаться, что на весы правосудия оказывал влияние более тяжелый кошелек. Когда я прохожу мимо старого дома и вижу престарелую женщину с покрасневшим лицом, с печальными, мрачными глазами, в которых выражаются те проклятия,

которых она не смеет высказать, я всегда желаю, чтобы у нас были другие соседи.

— Это легко устроить, святой отец. Именно о том я и хотел поговорить с вами. Нет ничего легче для нас, как выгнать их из этой местности. Исков наберется лет за тридцать, и я ручаюсь, что доктор прав, наш адвокат Уилкинг найдет столько недоимок, неустоек и задержек арендной платы, а также процессов о сене, что этим людям, настолько же бедным, насколько и гордым, придется продать крышу над их головой, чтобы заплатить все следуемое. Через три дня они будут у нас в руках.

— Это старинная и почтенная семья. Мне бы не хотелось поступать с ней слишком жестоко.

— Вспомните о щуке в садке для карпов!

При этой мысли сердце аббата ожесточилось.

— Действительно, это была дьявольская проделка. А мы только что пустили туда хариусов и карпов. Ну, ну, закон — все же закон, и если его можно употребить против них, то все это будет на законном основании. Что же, вы предъявили им наши заявления?

— Управляющий пошел вчера вечером с двумя слугами в замок, чтобы переговорить о деле, но вернулся назад бегом, а за ним с яростью гнался этот безумец. Он мал ростом и худощав, но в минуты гнева в нем сила нескольких людей. Управляющий божится, что в другой раз пойдет не

иначе как с пятью-шестью стрелками.

Аббат покраснел от гнева при этом новом оскорблении.

— Я научу его, что слуги Св. Церкви, хотя бы и принадлежащие к ордену св. Бернарда, а потому самые кроткие и смиренные, все же могут защитить себя от дерзких буянов. Идите вызовите этого человека в суд аббатства. Пусть он явится завтра в капитул после третьего часа.

Но осторожный ключарь покачал головой.

— Нет, святой отец, время еще не пришло. Дайте мне, пожалуйста, три дня, чтобы собрать все доказательства против него. Помните, что отец и дед этого беспокойного сквайра были оба знаменитые люди и первые рыцари на службе самого короля, что они жили, окруженные почестями, и умерли при исполнении своих рыцарских обязанностей. Леди Эрментруда Лорин была придворной дамой матери короля. Роджер Фриц-Алэн из Фернгэма и сэра Гюг Уолкотт из Гилдфордского замка были товарищами по оружию отца Найгеля и родственниками ему по женской линии. И без того уже идут разговоры о том, что мы жестоко поступили с ними. Поэтому мое мнение, что нам надо быть осторожными и ждать, пока чаша не переполнится.

Аббат раскрыл рот, чтобы ответить на слова ключаря, как вдруг внизу среди монахов раздался

необычный взволнованный говор. Со всех сторон слышались взволнованные вопросы и ответы. Ключарь и аббат с изумлением взглянули друг на друга при таком нарушении дисциплины и порядка со стороны их хорошо обученного стада, как вдруг на лестнице раздались быстрые шаги; кто-то поспешно отворил дверь, и в комнату вбежал монах с бледным лицом.

— Отец аббат! — крикнул он. — Увы! увы! Отец Джон умер, и преподобный субприор умер, и дьявол появился в поле!..

III. Рыжая круксберрийская лошадь

В те простые времена в жизни было много удивительного и таинственного. Люди ходили по земле торжественно и в страхе, чувствуя небо очень близко над собою, а ад — под самыми своими ногами. Десница Бога была ясно видна в радуге и комете, в громе и ветре. К тому же дьявол открыто свирепствовал на земле, он при дневном свете скрывался за кустами, по ночам громко смеялся, хватал когтями умирающего грешника, набрасывался на некрещеного младенца и искривлял члены эпилептика. Нечистый враг всегда был вблизи человека и нашептывал ему в ухо всякие гадости, а над человеком витал ангел милосердия, который указывал ему узкий и

тернистый путь. Как можно было сомневаться в подобного рода вещах, если им верили и папа, и священник, и ученый, и король и ни один голос на свете не подымал вопроса о сомнении в их существовании?

Каждая прочитанная книга, увиденная картина, каждый рассказ няньки или матери заключали в себе одно и то же поучение. А если человек отправлялся в путешествие, то вера его в чудесное укреплялась еще более, потому что, куда бы он ни поехал, повсюду видел бесчисленные раки с мощами святых и слышал рассказы о многочисленных чудесах, доказательствами коих были масса костылей и серебряных сердец — «ex voto»⁵. На каждом шагу человек невольно чувствовал, как тонка и легко разрываема завеса, укрывающая его от страшных обитателей невидимого мира.

Поэтому безумное заявление испуганного монаха показалось его слушателям скорее страшным, чем невероятным. Румяное лицо аббата побледнело на одно мгновение, но в следующее он схватил со стола распятие и быстро встал на ноги.

— Ведите меня к нему, — сказал он, — покажите мне нечистого, который осмеливается

⁵ По обету (лат.).

нападать на братьев св. Бернарда. Бегите к капеллану, брат мой! Велите ему принести с собой молитвы для заклинания бесов, а также священный ковчег с мощами и кости св. Иакова из-под алтаря! С ними с сокрушением и со смирением в сердцах мы можем идти против всех сил ада.

Но ключарь был человек более практического склада ума. Он так сильно схватил монаха за руку, что у того надолго осталось пять синяков.

— Разве так входят в комнату аббата, не постучавшись, не поклонившись, не сказав «Мир вам»? — строго спросил он. — Вы всегда были самым кротким из наших послушников, смиренным в учебной комнате, набожно пели псалмы и вели строгую жизнь в келье. Придите в себя и отвечайте на мои вопросы прямо. В каком виде появился нечистый и как он причинил столько ужасного вреда нашим братьям? Видели вы его собственными глазами или говорите только понаслышке? Говорите сейчас или немедленно будете подвергнуты епитимье.

Испуганный монах стал как будто несколько спокойнее на вид при этой угрозе, хотя побелевшие губы и боязливое выражение глаз, а также прерывистое дыхание выдавали его внутреннюю тревогу.

— Вот как это случилось, святой отец и преподобный ключарь. Джемс, субприор, брат

Джон и я провели наш день начиная с шестого часа на хенглейском лугу, нарезая траву для скотного двора. Мы возвращались назад по полю, и набожный субприор рассказывал нам историю жизни св. Григория, как вдруг раздался шум, словно от несущегося потока, нечистый перескочил через высокую стену, которая отделяет заливной луг, с быстротой ветра и бросился на нас. Брата Джона он бросил на землю и втоптал его в грязь. Потом, схватив зубами доброго приора, он стал бегать вокруг поля, раскачивая его, словно узел с старым платьем. Изумленный всем виденным, я стоял неподвижно и прочел «Верую» и три раза «Богородицу», когда дьявол вдруг бросил приора и кинулся ко мне. С помощью св. Бернарда я перелез через стену, но не прежде, чем зубы дьявола вцепились мне в ногу и он оторвал мне всю заднюю полу одежды.

При этих словах он повернулся и в подтверждение своего рассказа показал свою изорванную одежду.

— В каком же образе явился сатана? — спросил аббат.

— В образе большой рыжей лошади, святой отец, чудовищной лошади с огненными глазами и с зубами грифона.

— Рыжей лошади! — Ключарь ужасно взглянул на испуганного монаха. — Глупый брат,

что же будет с вами, когда вам придется предстать перед лицом царя ужаса, если вы так пугаетесь вида рыжей лошади? Это лошадь фермера Элварда, отец мой, которую мы задержали, потому что он должен аббатству целых пятьдесят шиллингов, а ему никогда не уплатить их. Такой лошади, говорят, не найти и в королевских конюшнях в Виндзоре, потому что отец ее был испанского происхождения, а мать — арабская кобыла той самой породы, которую Саладин (душа его теперь терзается адскими муками) держал для своего собственного употребления и, как говорят, даже у себя в палатке. Я взял ее в уплату долга и приказал приведшим слугам выпустить ее на заливной луг, потому что слышал о ее действительно дурном нраве — она убила не одного человека.

— Недобрый был день для Уэверли, когда вы ввели в его границы такое чудовище, — сказал аббат. — Если субприор и брат Джон действительно умерли, то лошадь является хотя и не самим дьяволом, все же — орудием его.

— Лошадь это или дьявол, святой отец, но я слышал, как она кричала от радости, когда топтала брата Джона, а если бы вы видели, как она вскидывала субприора, словно собака, встряхивающая крысу, то, может быть, почувствовали бы то же, что и я.

— Ну! — крикнул аббат. — Пойдем взглянем

собственными глазами на причиненное зло. — И все три монаха поспешно сошли с лестницы, которая вела к аркадам двора.

Их самые страшные опасения рассеялись, лишь только они сошли вниз. Среди толпы сочувствующих братьев они увидели обоих пострадавших — хромавших, растрепанных, выпачканных в грязи. Однако доносившиеся крики и восклицания показывали, что драма еще не окончена; аббат и ключарь бросились к воротам со всей поспешностью, допускаемой их достоинством, и добежали до стены, отделявшей луг; заглянув через нее, они увидели замечательное зрелище.

В густой сочной траве стояла великолепная лошадь, при виде которой сердце скульптора или воина дрогнуло бы от восторга. Она была буланой масти, с гривой и хвостом более темного оттенка. Пяти вершков роста, с торсом и ляжками, обнаруживавшими страшную силу, с изящными очертаниями шеи, холки и плеч, она представляла собой образец лучшей конской породы. Она была поистине великолепна; осев красивым торсом на задние ноги, широко раздвинув и вытянув передние, с высоко поднятой головой, с поднявшейся дыбом гривой, с раздувающимися от гнева ноздрями, она поворачивала во все стороны блестящие глаза, полные высокомерной угрозы и вызова. В почтительном расстоянии от нее

держались шесть светских слуг аббатства и лесников; с арканами в руках они медленно пробирались к ней. По временам величественное животное с поднятой головой, развевающейся гривой, сверкающими глазами делало красиво прыжок в сторону, уклоняясь от петли, и с размаху бросалось на одного из своих преследователей; тот с криком прижимался к стене, а остальные быстро приближались к лошади и бросали арканы в надежде поймать ее за шею или за ногу и в свою очередь также бежали искать защиты.

Если бы два аркана захватили лошадь, а державшим их людям удалось зацепить концы за какой-нибудь пень или камень, человеческий ум одержал бы победу над быстротой и силой. Но в данном случае сильно ошиблись те, которые думали, что аркан может сделать что-либо, кроме вреда, преследователю. То, что можно было предвидеть, случилось как раз в момент появления монахов. Лошадь, прижав к стене одного из своих врагов, так долго стояла перед ним, презрительно фыркая после борьбы, что остальные могли подкрасться к ней сзади.

Бросили сразу несколько арканов. Одна из петель попала на гордую холку и затерялась в волнистой гриве. В одно мгновение животное обернулось, и люди разбежались во все стороны, только бросивший аркан остановился на одно

мгновение, не зная, как воспользоваться своим успехом. Это мгновение сомнения оказалось роковым для него. С криком ужаса он увидел, как громадное животное поднялось над ним. Передние ноги лошади с треском упали на него и свалили его на землю. Несчастный приподнялся было со стоном, но снова упал и скоро превратился в дрожащую окровавленную массу, а дикая лошадь — в гневное самое жестокое и ужасное из земных созданий — лягала, кусала и трясла его извивающееся тело. Громкий вопль ужаса вырвался из ряда голов, окружавших высокую стену, — вопль, внезапно перешедший в продолжительное глубокое безмолвие, прерванное наконец восторженными восклицаниями благодарности.

По дороге, шедшей по откосу к мрачному замку, показался какой-то юноша на плохой косматой лошадке, переваливавшейся с боку на бок. Одежда всадника — вылинявший колет⁶ пурпурового цвета с запятым кожаным поясом — не отличалась изяществом и щеголеватостью; но в осанке молодого человека, в посадке его головы, в легких, грациозных движениях и в смелом взгляде больших голубых глаз был отпечаток достоинства и

⁶ Короткий мундир, принятый в тяжелой кавалерии. — Прим. ред.

породы, который сделал бы его заметным во всяком обществе. Он был мал ростом, но сложен замечательно изящно и грациозно. Лицо, хотя и загорелое от долгого пребывания на воздухе, отличалось нежностью очертаний и страстным, живым выражением. Густая бахрома золотистых кудрей вырывалась из-под плоского темного берета, а короткая золотистая бородка скрывала очертания сильного квадратного подбородка. Белое перо морского орла смягчало мрачность его костюма. Другие подробности его одежды — короткий висячий плащ, охотничий нож в кожаном футляре, перевязь, на которой висел медный рог, мягкие замшевые сапоги и острые шпоры — могли бы обратить на себя внимание наблюдателя; но при первом взгляде в глаза бросалось только смуглое лицо, обрамленное золотыми волосами, и блеск живых смелых, смеющихся глаз. Таков был юноша, который, весело размахивая хлыстом, ехал на своей грубой лошадке в сопровождении полудюжины собак. С улыбкой презрения и насмешки на лице смотрел он на комедию, разыгравшуюся в поле, и на напрасные усилия уэверлийских слуг.

Но, когда комедия быстро перешла в мрачную драму, этот безучастный зритель внезапно переродился. Одним прыжком он соскочил с лошади, другим перескочил через каменную стену и поспешно побежал по полю. Рыжая лошадь

отвела глаза от своей жертвы и, увидев приближение нового врага, оттолкнула ногами распростертое, но все еще извивавшееся тело и бросилась на вновь пришедшего. Но на этот раз ей не пришлось с торжеством преследовать врага до стены. Юноша выпрямился, поднял хлыст с металлической ручкой и встретил лошадь оглушительным ударом по голове, повторявшимся при каждом нападении. Напрасно лошадь становилась на дыбы и старалась опрокинуть врага. Быстро и хладнокровно молодой человек отскакивал от грозившего ему смертельного удара, — и снова раздавались свист и стук тяжелой ручки хлыста, безошибочно достигавшего намеченной цели. Лошадь отступила, с удивлением и яростью взглянула на властного человека и затем обошла кругом его с ошетилившейся гривой, развевающимся хвостом и поднятыми вверх ушами, громко фыркая от бешенства и боли. Молодой человек, еле удостоив взглянуть на своего побежденного врага, прошел к раненому леснику, подняв его на руки с силой, которую едва можно было ожидать в таком нежном теле, и отнес стонавшего раненого к стене, откуда дюжина рук протянулась к нему на помощь. Затем он не торопясь влез на стену, смотря с спокойной, презрительной улыбкой на рыжую лошадь, которая снова с бешенством кинулась за ним. Когда он

соскочил со стены, с дюжину монахов окружили его, осыпая благодарностями и похвалами, но он упрямо отвернулся и ушел бы, не сказав ни слова, если бы его не остановил сам аббат Джон.

— Ну, сквайр Лорин, — сказал он, — хотя вы и плохой друг нашему аббатству, но все же должно сознаться, что сегодня вы сыграли роль доброго христианина, потому что если в теле нашего слуги осталась хоть капля жизни, то после нашего благословенного патрона св. Бернарда мы обязаны этим вам.

— Клянусь св. Павлом, я сделал это не по расположению к вам, аббат Джон, — сказал молодой человек. — Тень вашего аббатства всегда падала на дом Лоринов. Что же касается до ничтожной услуги, оказанной мною сегодня, я не требую за нее никакой благодарности. Я поступил так не для вашего дома, а просто ради своего собственного удовольствия.

Аббат вспыхнул при этих дерзких словах и закусил губы от гнева. За него ответил ключарь.

— Было бы гораздо пристойнее и вежливее, если бы вы говорили со святым отцом аббатом, как приличествует его высокому званию и уважению, которое вызывается его положением, — сказал он.

Молодой человек устремил на монаха свои смелые голубые глаза; его загорелое лицо потемнело от гнева.

— Если бы не ваша одежда и не ваши седеющие волосы, я ответил бы вам иначе, — сказал он. — Вы — тощий волк, который постоянно рычит у нашей двери, падкий и на малое, что осталось у нас. Говорите и делайте со мной что угодно, но, клянусь св. Павлом, если я узнаю, что вы натравили свою ненасытную свору на госпожу Эрментруду, я отгоню ее этим хлыстом от того небольшого клочка, который еще остался из всех владений моего отца.

— Берегитесь, Найгель Лорин, берегитесь! — крикнул аббат, подымая палец вверх. — Разве вы не боитесь английских законов?

— Справедливых законов я боюсь и повинуюсь им.

— Вы не уважаете св. Церковь?

— Я уважаю все, что есть святого в ней. Но не уважаю тех, кто выжимает сок из бедняков, ворует землю у соседей.

— Дерзкий человек, многие были отлучены от церкви за гораздо меньшие проступки, чем ваши слова. Но сегодня нам не приходится судить вас слишком жестоко. Вы молоды, и запальчивые слова легко срываются с ваших уст. Что с лесником?

— Он ранен серьезно, отец аббат, но выживет, — сказал один из братьев, наклонившийся над распростертым телом. — Ручаюсь, что с помощью кровопусканий и

электуария⁷ он выздоровеет через месяц.

— Так отнесите его в больницу. А теперь, брат, как нам поступить с этим ужасным животным, которое смотрит на нас поверх стены и фыркает, словно мысли его о святой Церкви такие же странные, как у самого сквайра Найгеля; что делать с ним?

— Вот фермер Элвард, — сказал один из братьев. — Это была его лошадь, и он, без сомнения, возьмет ее себе снова.

Но толстый краснолицый фермер отрицательно покачал головой при этом предложении.

— Вот уж нет, — сказал он. — Эта тварь дважды гоняла меня кругом ограды и чуть не убила моего мальчика Сэмкина. Он говорил, что не будет счастлив, пока ему не удастся поездить на ней, ну с тех пор ему не удалось стать счастливым. Никто из моих слуг не соглашается войти к ней в стойло. Плохой был день, когда я взял эту тварь из конюшен Гилдфордского замка, где ничего не могли поделать с ней и не могли найти ездока достаточно смелого для того, чтобы сесть на нее. Ключарь взял ее в уплату пятидесяти шиллингов, ну и пусть возится с ней. На Круксберийскую

⁷ Лекарственная кашка.

ферму она уже не вернется.

— И не останется здесь, — сказал аббат. — Брат ключарь, вы вызвали дьявола, вам и усмирять его.

— Это я сделаю чрезвычайно охотно, — крикнул ключарь, — Казначей может высчитать пятьдесят шиллингов из моей недельной порции, и таким образом аббатство ничего не потеряет. А вот и Ват со своим арбалетом и со стрелой за поясом. Пусть он бросит ею в голову этой проклятой твари, потому что ее шкура и подковы дороже ее самой.

Сильный смуглый старик, лесник, стрелявший в лесах аббатства диких зверей, выступил вперед с улыбкой удовольствия на губах. После жизни, проведенной в охоте на барсуков и лисиц, перед ним была теперь действительно благородная дичь. Вложив стрелу в арбалет, он поднял его на плечо и прицелился в свирепую гордую косматую голову, раскачивающуюся в дикой свободе по другую сторону стены. Но только что он натянул тетиву, как удар хлыста заставил арбалет подняться кверху, а стрела просвистела, не принося ни малейшего вреда, над фруктовым садом аббатства. Лесник отшатнулся, дрожа, при виде сердитых глаз Найгеля Лорина.

— Прибереги свои стрелы для ваших хорьков, — сказал молодой человек. — Неужели же ты хочешь отнять жизнь у существа, единственная

вина которого заключается в том, что никто не смеет совладать с его неукротимым духом? Ты готов убить лошадь, на которой с гордостью поехал бы каждый король, только потому, что у какого-нибудь деревенского фермера, монаха или монастырского слуги не хватает ума и рук, чтобы обуздать ее.

Ключарь поспешно обернулся к сквайру.

— Несмотря на всю грубость ваших слов, аббатство обязано вам за ваш сегодняшний подвиг, — сказал он. — Если вы такого высокого мнения об этой лошади, то, может быть, желали бы иметь ее. Так как мне приходится платить за нее, она находится в моем владении, и я, с позволения святого отца аббата, приношу ее в дар вам.

Аббат дернул своего подчиненного за рукав.

— Подумайте хорошенько, брат мой, — сказал он. — Как бы кровь этого человека не пала на наши головы!

— Он упрям и горд, как эта лошадь, — ответил ключарь, и его худое лицо озарилось злобной улыбкой. — Одно из двух — или человек покорит животное, или животное человека; и то и другое послужит только ко благу мира. Если вы запрещаете...

— Нет, брат мой; вы купили лошадь и можете распоряжаться ею как угодно.

— Тогда я отдаю ее, со шкурой и копытами,

хвостом и правом, Найгелю Лорину, и да будет она так же мила и кротка к нему, как к обитателям Уэверлийского аббатства.

Ключарь произнес эти слова так, что их слышали только хихикавшие монахи; тот, к кому относились эти пожелания, не мог слышать их. При первых словах, указывавших на оборот дела, он поспешно побежал к месту, где оставил свою лошадку, и снял с ее морды крепкую узду. Конь стал щипать траву у дороги, а молодой человек поспешно вернулся на прежнее место.

— Я принимаю твой дар, монах, хотя хорошо знаю, почему даешь его мне, — сказал он. — Во всяком случае, благодарю тебя. На свете есть только две вещи, которые мне всегда страстно хотелось иметь и которые я не мог приобрести при моем тощем кошельке. Одна из них — благородная лошадь, такая лошадь, которой должен управлять сын моего отца, а эта именно та, которую я выбрал бы предпочтительно перед всеми остальными, так как для того, чтобы овладеть ею, нужно совершить подвиг и с нею можно достичь почестей. Как зовут лошадь?

— Ее зовут Поммерс, — ответил Элвард. — Предупреждаю вас, молодой сэръ, что на ней нельзя ездить. Многие пробовали сесть на эту лошадь, и счастлив тот, кто отделался только сломанным ребром.

— Благодарю за предупреждение, — сказал Найгель. — Теперь я ясно вижу, что она именно та лошадь, за которой я готов был бы отправиться на край света. Я подходящий человек для тебя, Поммерс, а ты — лошадь, предназначенная для меня, и сегодня же вечером ты признаешь это, или мне никогда больше не придется ездить верхом. Мы с тобой померимся, Поммерс, и дай Бог тебе больше сил, потому что чем славнее будет борьба, тем больше будет и славы.

Говоря это, молодой сквайр взобрался на верхушку стены и стоял там раскачиваясь, настоящее воплощение грации, смелости и благородства, со свесившейся уздой в одной руке и с хлыстом в другой. Лошадь, свирепо фыркая, сейчас же устремилась на него и оскалила белые зубы; но новый тяжелый удар хлыста заставил ее покачнуться; в то же мгновение Найгель, смерив уверенным взглядом расстояние и наклонясь вперед всем гибким телом, прыгнул и сел верхом на широкую спину рыжей лошади. Одну минуту он с трудом удержался на ней: у него не было ни седла, ни шпор, а животное прыгало и становилось на дыбы, как бешеное. Ноги Найгеля охватили вздымающиеся бока лошади, словно стальные обручи; левая рука его глубоко зарылась в рыжую гриву. Никогда еще скучная, монотонная жизнь смиренных уэверлийских монахов не нарушалась

такой страшной сценой. Рыжая лошадь, прыгавшая то вправо, то влево, то опускавшая свою косматую злую голову между передними ногами, то вздымавшая ее с раздутыми от гнева красными ноздрями и гневными глазами, казалась чем-то ужасным, но прекрасным. Однако гибкая фигура на ее спине, качавшаяся при каждом движении, как тростник при ветре, со спокойным, неумолимым лицом и глазами, блестящими от восторга борьбы, удерживала свое место властелина, несмотря на все усилия свирепого животного с железными мускулами. Громкий крик ужаса вырвался у монахов, когда в последнем усилии лошадь, становясь на дыбы все выше и выше, опрокинулась на всадника. Но он спокойно и быстро увернулся, прежде чем она упала, сдавил ее ногами, пока она каталась по земле, а когда она встала, Найгель ухватился за ее гриву и легко вскочил ей на спину. Даже суровый ключарь присоединился к радостным восклицаниям монахов, когда Поммерс, пораженная тем, что седок еще сидит у нее на спине, снова поскакала по полю.

Дикая лошадь пришла в еще большее бешенство. В суровом мраке ее непокорного сердца возникло яростное решение лишить жизни смелого ездока, хотя бы это грозило ей самой гибелью. Она оглянулась вокруг налитыми кровью горящими глазами, ища смерти. С трех сторон поле было

обнесено высокой стеной с тяжелыми четырехфутовыми деревянными воротами. Но с четвертой находилось низкое серое здание без дверей и окон — одна из ферм аббатства. Лошадь понеслась галопом, направляясь прямо к этой неровной тридцатифутовой стене. Пусть она погибнет сама, но зато, быть может, ей удастся лишить жизни этого человека, желающего властвовать над ней, никогда еще не признававшей над собою властелина.

Подобрав могучие бока, стуча копытами по траве, бешеная лошадь неслась все быстрее к стене, унося с собой седока. Не соскочит ли Найгель? Сделать это значило бы покориться воле животного, на котором он сидит. Он нашел лучший исход. Хладнокровно, быстро, решительно Найгель взял хлыст и повод в левую руку, которой он продолжал держать за гриву. Затем правой он сдернул с плеч короткую мантию и, наклонившись вдоль напряженно вздрагивавшей спины животного, набросил развевающуюся одежду на глаза лошади.

Результат оказался не слишком удачным, так как чуть не повлек за собой падение седока. Когда налитые кровью глаза, устремленные вдаль в ожидании смерти, очутились внезапно во мгле, изумленная лошадь остановилась на передних ногах так, что Найгель слетел ей на шею и едва

удержался запутавшейся в гриве рукой. Прежде чем он принял прежнее положение, опасность уже прошла, потому что лошадь, потерпев вследствие такого странного происшествия неудачу в своем намерении, повернулась, дрожа всем телом, и стала яростно размахивать головой до тех пор, пока мантия не сползла у нее с глаз и холодный мрак исчез, уступив место обычному зрелищу залитой солнцем травы.

Но что за новое оскорбление нанесено ей? Что это за оскверняющий железный прут вложен ей в рот? Что за ремни раздражают ворочающуюся из стороны в стороны шею и что за тесьма опутала ее гриву? Прежде чем лошадь сбросила плащ, Найгель просунул уздечку между ее зубами и ловко надел ее. Слепая бешеная ярость снова закипела в сердце рыжей лошади при этом новом унижении, этой эмблеме рабства и позора. При прикосновении уздечки душа ее исполнилась негодования и угроз. Она ненавидела и место, где она находилась, и людей, и всех и все, что угрожало ее свободе. Ей хотелось навсегда отделаться от них, никогда не видеть их. Уйти бы ей в самые отдаленные края земли на большие равнины, где царствует свобода! Куда-нибудь на обширный горизонт, где она могла бы избавиться от оскверняющей уздечки и невыносимой власти человека.

Поммерс быстро повернулась и одним

прыжком, похожим на прыжок оленя, перескочила через ворота в четыре фута. Шляпа слетела с головы Найгеля; его золотистые кудри развевались по воздуху, когда он взвился вместе с лошадью и снова опустился на землю. Всадник и лошадь очутились на заливном лугу; перед ними сверкал журчащий ручей в двадцать футов ширины, впадавший ниже в реку Уэй. Рыжая лошадь втянула бока и перелетела через него как стрела. Она скакнула из-за камня и перескочила через терновник на другой стороне ручья. Два камня до сих пор обозначают, откуда и куда она прыгнула; между ними добрых одиннадцать шагов. Могучая лошадь пробежала под свесившейся ветвью большого дуба на другой стороне, того самого, который показывают и теперь как границу владений аббатства. Она надеялась, что сук сорвет всадника, но Найгель лег ничком на ее высоко поднимающуюся спину и спрятал лицо в развевающейся гриве. Толстый сук сильно хлестнул его, но не заставил ни потерять присутствия духа, ни выпустить гриву лошади. То становясь на дыбы, то бросаясь вперед и брыкаясь, Поммерс пронеслась по молодой роще и вылетела на широкую равнину.

Тут началась та скачка, воспоминание о которой до сих пор живет среди низшего класса страны и составляет часть старой полузабытой

серрийской баллады, из которой сохранились только несколько строф припева.

Перед ними лежал целый океан вереска, доходившего до колена; местность постепенно возвышалась по направлению к ясно вырисовывавшемуся холму. Над ними тянулся свод безоблачного синего неба; солнце спускалось к Гэмпширским горам. Поммерс летела по густому вереску, через овраги, ручьи, по склонам холмов; ее могучее сердце разрывалось от ярости, каждый нерв дрожал от перенесенных унижений. А человек, несмотря на все, по-прежнему крепко держался за ее вздымавшиеся бока и развевавшуюся гриву, безмолвный, неподвижный, неумолимый, позволяя ей проделывать что угодно, но непреклонный как судьба. Через долину, по болоту с тростниками, доходившими до ее забрызганного грязью загривка, дальше по большому склону, оступаясь, сбиваясь, прыгая, но ни на мгновение не уменьшая бешеного хода, неслась вперед рыжая лошадь. Жители Шоттермийса слышали дикий топот подков, но, прежде чем они успели откинуть занавеси из бычьей шерсти у дверей, лошадь и всадник уже исчезли посреди высокого папоротника Гэслмерской долины. Все вперед и вперед неслась она, оставляя на целые мили следы своих подков. Никакое болото не могло задержать ее, никакая

гора — остановить ее бег. Вверх по склону Линчмэра и по длинному спуску Фернгерста она гремела подковами, как по ровной земле, и только тогда, когда она сбежала со склона Генлейского холма и серая башня Миддлхерста показалась над молодым леском, только тогда беспокойно вытянутая шея несколько опустилась и дыхание стало быстрее и чаще. Куда она ни смотрела, всюду был лес, и перед напряженными глазами не было признака тех равнин свободы, к которым она так стремилась.

И снова оскорбление... иного рода! Плохо было уже и то, что эта тварь так плотно держалась на ее спине, а теперь еще этот человек дошел до такой неслыханной дерзости, что удерживал ее и направлял на путь сообразно своему желанию. Вот ее крепко дернули за рот и голова ее повернулась снова к северу. Конечно, все равно, куда ни идти, но, должно быть, малый обезумел, если думает, что такая лошадь, как Поммерс, может покориться или обессилеть. Она скоро покажет, что еще не побеждена, хотя бы для этого ей пришлось напрячь все мускулы или разбить себе сердце. Итак, она полетела назад по длинному, длинному склону. Будет ли когда конец ему? Но она не хотела сознаться, что не может идти дальше, покуда этот человек держит ее в руках. Она побелела от пены, покрылась пятнами грязи. Глаза у нее налились

кровью, рот был открыт; она задышалась с расширенными ноздрями, с жесткой, покрытой потом шерстью. Она продолжала лететь вниз по холму, пока не добежала до глубокого болота у его подножия. Нет, это уже слишком! Плоть и кровь не в состоянии выдержать больше! Выбравшись из тинистого ила, с тяжелой черной грязью, еще прилипшей к бокам, она наконец с глубоким вздохом уменьшила ход и перешла от бешеного галопа к рыси.

О, заключительный позор! Неужели же нет границ унижениям? Ей нельзя даже идти тем ходом, которым ей хочется. До сих пор она шла галопом по своей доброй воле, теперь ей приходится галопировать по воле другого. С обеих сторон в ее бока вонзились шпоры. Мучительный удар хлыста упал на ее плечо. От боли и стыда Поммерс привскочила в воздухе во всю величину своего роста. Затем, забыв усталость, забыв о своих вздымающихся, дымящихся боках, забыв все, кроме этого невыносимого оскорбления и сжигавшего ее внутреннего пламени, она снова поскакала бешеным галопом. Опять она неслась по покрытым вереском склонам по направлению к Вейдоунским лугам. Все вперед и вперед летела она. Но вот она снова начала задышаться, ноги ее задрожали, и снова она стала замедлять ход, однако жестокие шпоры и новый удар хлыста снова заставили ее

бежать дальше. В глазах у Поммерс помутилось; голова у нее кружилась от усталости. Она не видела, куда ставила ноги, не думала о том, куда идет; одно безумное желание овладело ею — уйти от этого ужаса, от этой пытки, которая мучила и не покидала ее. Она пробежала по деревне Серслей с выпученными от ужаса глазами, с разрывающимся сердцем и уже добралась до гребня холма, по-прежнему подгоняемая ударами шпор и хлыста, как вдруг мужество ее ослабело, гигантская сила исчезла и с глубоким дыханием агонии рыжая лошадь упала посреди вереска. Падение было так внезапно, что Найгель перелетел через шею лошади, и животное и человек лежали распростертыми, задыхаясь. Последние багровые лучи солнца заходили за Бетсер, а на голубом небе загорелись первые звезды.

Молодой сквайр опомнился первым и, став на колени около задыхавшейся, загнанной лошади, нежно провел рукой по спутанной гриве и покрытой пеной морде. Налитые кровью глаза взглянули на него, но в выражении их он прочел удивление, а не злобу, мольбу, но не угрозу. Когда молодой человек погладил окровавленную морду, лошадь тихо застонала и уткнулась носом в ладонь его руки. Этого было достаточно. То был конец борьбы, прием новых условий врагом-рыцарем — от рыцаря-победителя.

— Ты — мой конь, Поммерс, — прошептал Найгель, приложась щекой к поднятой голове. — Я знаю тебя, Поммерс, и ты знаешь меня, и с помощью св. Павла мы заставим и других узнать нас. Теперь пойдем вместе к пруду; не знаю, кому из нас нужнее вода.

И так случилось, что запоздавшие уэверлийские монахи, возвращаясь с отдаленных ферм, увидели странное зрелище, рассказ о котором, разнесясь по монастырю, в тот же вечер достиг ушей ключаря и аббата. Когда монахи проходили по Тилфорду, они увидели лошадь и человека, шедших рядом, голова в голову, по тропинке к замку. А когда они подняли фонарь, чтобы посмотреть на эту пару, то оказалось, что молодой сквайр вел домой страшную рыжую круксберрийскую лошадь, как пастух ведет овцу.

IV. Как в Тилфордском замке появился судебный пристав

Во времена, к которым относится наша хроника, аскетическая суровость старых норманнских замков настолько смягчилась и утончилась, что новые жилища дворян, хотя менее внушительные по виду, стали гораздо удобнее для житья. Более кроткое поколение строило свои жилища скорее для мирного времени, чем для

войны. Всякий, кто вздумает сравнить дикую наготу Певенси с величием Бодиэма или Виндзора, не может не заметить той перемены в образе жизни людей, которую они олицетворяют. Замки более ранней эпохи строились с известной целью: чтобы дать завоевателям возможность держать страну в своих руках. Но с утверждением завоевателей в стране замок потерял свое значение и стал местом убежища от суда или центром гражданской борьбы. На границах Уэльса и Шотландии замки еще могли служить оплотом государства и действительно росли и процветали; но в других местах они представляли собой как бы угрозу королевскому величию, и потому их старались обессиливать или уничтожать. Ко времени царствования Эдуарда Третьего большая часть старых боевых замков была обращена в жилые дома или разрушена в ходе гражданских войн. Их суровые серые кости рассеяны до сих пор по кряжам наших гор. Новые здания были или большими помещичьими домами, пригородными и для защиты, но главным образом для жилья, или замками, не имевшими никакого значения в военном отношении. Таков был и Тилфордский замок, в котором жили последние оставшиеся в живых члены старинного великолепного дома Лоринов, употреблявшие все свои усилия, чтобы не отдать в руки монахов и их поверенных те последние акры земли, которые еще

оставались у них.

Замок — двухэтажное здание — состоял из тяжелого деревянного сруба с промежутками, заполненными грубо тесанными камнями. Наружная лестница вела наверх к спальням. Внизу было только два помещения, меньшее из которых представляло собой комнату старой леди Эрминтруды. Другое — очень большая комната — служило сборным местом для семьи и столовой для хозяев и их немногочисленных слуг и наемников. Жилища этих слуг, кухни, службы и конюшни представляли собой ряд обнесенных оградой домов и сараев позади главного здания. Так жили паж Чарлз, старый сокольничий Питер, Красный Сквайр, сопровождавший деда Найгеля во время шотландских войн, Уэзеркот, бывший менестрель, повар Джон и другие из числа переживших лучшие времена, которые льнули к старому дому, как раковины облепляют потерпевший крушение и выброшенный на берег корабль.

Однажды вечером, через неделю после усмирения рыжей лошади, Найгель и его бабушка сидели в большой зале по обеим сторонам громадного потухшего камина. Ужин был уже окончен, а вместе с ним унесены и козлы, на досках которых подавались кушанья, и комната на нынешний взгляд показалась бы совершенно пустой. Каменный пол был усеян толстым слоем

зеленого тростника, который выметался каждую субботу, унося с собой всю грязь и сор. Среди этого тростника лежало несколько собак, грызших брошенные им со стола кости. За исключением большого деревянного буфета, уставленного блюдами и тарелками, в комнате было мало мебели: несколько скамей вдоль стен, два плетеных кресла, маленький стол с разбросанными шахматными фигурами и большой железный ларь. В одном углу стояла сплетенная из ивовых прутьев подставка, на которой сидели два красивых сокола, безмолвные и неподвижные; по временам только их свирепые желтые глаза вдруг загорались ярким огнем.

Но если убранство комнаты показалось бы скудным человеку, живущему во время большей роскоши, то, взглянув вверх, он был бы поражен множеством вещей, висевших над его головой. Над камином виднелись многочисленные гербы домов, родственников Лоринам по крови или по бракам. Две пылавшие висячие лампы по обеим сторонам камина освещали синюю льва Перси, красных птиц де Баланс, черный зубчатый крест де Моген, серебряную звезду де Вер и бурых медведей Фитц-Алана. И все это группировалось вокруг знаменитых красных роз на серебряном щите, прославленном Лоринами во многих кровавых битвах.

Комната от одного края потолка до другого

была перерезана тяжелыми дубовыми стропилами, на которых висело множество различных предметов. Тут были кольчуги особого образца, несколько щитов, колчаны, пики для ведр, копье, сбруя, удочки и другие принадлежности войны или охоты; а еще выше, в черной тени свода, виднелись ряды окороков, связки копченой грудинки, соленых гусей и другого рода мясных консервов, игравших такую большую роль в средневековом обиходе.

Госпожа Эрминтруда Лорин, дочь, жена и мать воинов, представляла собой страшную фигуру. Высокая и худая, с жесткими, резкими чертами лица и неумолимыми черными глазами, она внушала страх всем окружающим, несмотря даже на ее белоснежные волосы и согбенную спину. Ее мысли и воспоминания постоянно обращались назад, к более героическим временам. Англия данного времени казалась ей выродившейся изнеженной страной, уклонившейся от старинного образца рыцарской вежливости и храбрости. Возрастающее могущество народа, все увеличивающееся богатство церкви, развивающаяся роскошь жизни и привычек и вообще более кроткий тон века — все это было одинаково отвратительно для нее, и все вокруг страшились ее сурового лица и тяжелой дубовой палки, на которую она опиралась. Но, несмотря на это, она пользовалась также общим уважением, потому что в те дни,

когда книг было мало, а читателей немного, хорошая память и бойкий язык ценились очень высоко. А откуда, как не от госпожи Эрминтруды, могли молодые необразованные серрийские и гэмпширские сквайры услышать о своих дедах и их битвах или получить те знания рыцарства и геральдии, которые она сохранила от более грубого, но и более воинственного века? Как ни бедна была г-жа Эрминтруда Лорин, но в Серрее не было никого, к кому охотнее обращались с вопросами о правилах поведения.

В настоящую минуту она сидела, согнув спину, у потухшего камина и смотрела на Найгеля. Жесткие черты ее старого покрасневшего лица смягчались под влиянием любви и гордости. Молодой сквайр, тихо насвистывая, старательно обстреливал стрелы для арбалета. Внезапно он поднял голову и увидел устремленные на него черные глаза. Он нагнулся и погладил костлявую руку.

— Вы вспомнили что-то приятное, дорогая госпожа? Я прочел удовольствие в ваших глазах.

— Сегодня я слышала, Найгель, как ты приобрел ту большую боевую лошадь, что топчет теперь в нашей конюшне.

— Я ведь сказал вам, что монахи дали мне ее.

— Ты сказал это, милый сын, и ничего больше. Но я слышала, что лошадь, которую ты

привел домой, совершенно не походила на ту, которую дали тебе. Отчего ты не сказал мне этого?

— Мне кажется, что стыдно говорить о таких пустяках.

— То же думали и твой отец, и твой прадед. Они, бывало, молча сидели между рыцарями, когда кругом ходила чаша вина, и слушали описания подвигов других, а если кто-нибудь говорил громче остальных и, казалось, добивался особенных почестей, то твой отец тихо дергал его за рукав и шепотом спрашивал его, нет ли у него какого-нибудь маленького обета, от которого он мог бы освободить его, или предлагал ему помериться силами с оружием в руках. И если этот человек оказывался хвастуном и трусом и переставал говорить, отец твой молчал и никто не узнавал об этом. Но если тот держал себя с достоинством, то твой отец повсюду распространял его славу, никогда не упоминая о себе.

Найгель блестящими глазами взглянул на старуху.

— Я люблю, когда вы говорите о нем, — сказал он. — Расскажите мне, пожалуйста, еще раз, как он умер.

— Он умер, как жил, — вежливым, изящным дворянином. Это было в большой морской битве у нормандских берегов, и твой отец командовал арьергардом на собственном корабле короля. За год

перед тем французы взяли большой английский корабль, заняли узкие морские проходы и сожгли город Саутгэмптон. Корабль этот называли «Христофор», и во время битвы они пустили его вперед; англичане окружили его, ворвались на палубу и убили всех, кто был там. Твой отец и сэр Лорредан из Генуи, командир «Христофора», бились на высокой корме так, что весь флот остановился, смотря на них, и сам король громко вскрикнул при этом зрелище. Сэр Лорредан был знаменитый воин и храбро сражался в этот день, многие рыцари завидовали твоему отцу, что ему выпало на долю помериться силами с таким превосходным бойцом. Но отец твой заставил его отступить и нанес ему палицей такой сильный удар, что шлем у сэра Лорредана повернулся и он уже не мог смотреть сквозь глазные отверстия. Сэр Лорредан бросил свой меч и признал себя побежденным. Но твой отец взял его шлем и повернул его так, чтобы он сидел на голове как следует. Потом, когда сэр Лорредан стал снова видеть, твой отец поднял его меч и просил его отдохнуть и затем продолжать сражаться, говоря, что чрезвычайно полезно и приятно видеть такое достойное джентльмена поведение. Они сели рядом отдохнуть на корме, но, лишь только они снова подняли руки, твой отец был убит камнем, пущенным из пращи.

— А сэръ Лорредан, — крикнул Найгель, — насколько я помню, он также умер?

— Боюсь, что его убили стрелки, потому что они очень любили твоего отца, а ведь эти люди смотрят на вещи иными глазами, чем мы.

— Это жаль, — сказал Найгель, — ясно, что он был хороший рыцарь и держал себя очень храбро.

— В то время, когда я была молода, простолюдины не смели бы наложить своих грязных рук на такого человека. Люди благородной крови, носившие кольчугу, воевали друг с другом, а другие — стрелки и копьеносцы — могли драться друг с другом. Но теперь все равны и только иногда встречаются люди, подобные тебе, милый сын, которые напоминают мне о былых временах.

Найгель нагнулся вперед и взял ее руки в свои.

— Я — то, чем вы сделали меня, — сказал он.

— Это правда, Найгель. Я действительно берегла тебя, как садовник бережет свой самый драгоценный цветок, потому что в тебе одном — все надежды нашего старинного рода, а скоро — очень скоро — ты останешься одиноким.

— Не говорите так, дорогая леди.

— Я очень стара, Найгель, и чувствую, как тень смерти надвигается на меня. Сердце мое стремится ко всем любимым, которые ушли раньше

меня. А ты-то будет благословенный день для тебя, так как я удерживала тебя от света, к которому стремится твой смелый дух.

— Нет, нет, я очень счастлив с вами здесь.

— Мы очень бедны, Найгель. Я не знаю, откуда нам достать денег, чтобы снарядить тебя на войну. Но, впрочем, у нас есть хорошие друзья. Например, сэръ Джон Чандос, который так отличился во французских войнах и который всегда ездит рядом с королем. Он был другом твоего отца. Если я пошлю тебя ко двору с письмом к нему, он сделает все, что может.

Красивое лицо Найгеля вспыхнуло.

— Нет, леди Эрминтруда, я должен все добыть сам, как добыл лошадь. Я скорее соглашусь броситься в битву в этом колете, чем буду обязанным своим вооружением кому бы то ни было.

— Я боялась, что ты это скажешь, Найгель, но, право, не знаю, как нам иначе добыть денег, — грустно проговорила старуха. — Иное было дело, когда жил мой отец. Я помню, в то время достать кольчугу было очень легко, так как их делали в каждом английском городе. Но с тех пор как люди стали все более и более заботиться о своих телах, одних кольчуг уже мало, и выписывают вооружение из Милана или Толедо — ну, рыцарю и нужно иметь много металла в кошельке, прежде

чем он оденет им свое тело.

Найгель пристально взглянул на старое оружие, висевшее на стропилах над ним.

— Тисовая стрела хороша, — сказал он, — а также и дубовый щит с наружной отделкой из стали. Сэр Роджер Фитц-Аллан употреблял их и сказал, что ему никогда не случалось видеть лучшего оружия. Но кольчуга...

Леди Эрминтруда покачала своей старой головой и засмеялась.

— У тебя великая душа твоего отца, Найгель, но нет его могучих широких плеч и длинных ног. Во всем большом королевском войске не было более высокого и сильного человека. Его вооружение не годилось бы для тебя. Нет, милый сын, советую тебе, когда придет время, продать этот разрушающийся дом и небольшое количество оставшихся нам акров и идти на войну в надежде, что своей собственной правой рукой будешь способствовать возникновению нового дома Лоринов.

Тень гнева промелькнула на свежем, молодом лице Найгеля.

— Не знаю, долго ли нам удастся удерживать этих монахов и их поверенных. Как раз сегодня приходил какой-то человек с документами аббатства, относящимися еще к тому времени, когда был жив мой отец.

— Где они, милый сын?

— Они развеваются на кустах у поля, так как я пустил по ветру бумаги и пергаменты с быстротой соколиного полета.

— Но ты с ума сошел, Найгель! А где этот человек?

— Красный Сквайр и старый стрелок Джордж бросили его в Терслейское болото.

— Увы! Боюсь, что в настоящее время нельзя проделывать подобных вещей, хотя мой муж или отец отослали бы негодяя обратно без ушей. Но церковь и закон слишком сильны для нас, людей благородной крови. Будет беда, Найгель, так как уэверлийский аббат не из тех, которые не прикроют щитом слуг церкви.

— Аббат не сделает нам зла. Это серый худой волк — ключарь жаждет нашей земли. Пусть его делает самое худшее. Я не боюсь его.

— У него есть такое орудие, Найгель, что даже храбрейшие должны страшиться его. Отлучение, губящее душу человека, в руках церкви, и что можем мы противопоставить ему? Пожалуйста, Найгель, говори с ним вежливо.

— Нет, дорогая леди. Исполнять ваши приказания — мой долг и удовольствие, но я скорее умру, чем стану просить как милости то, чего мы можем требовать по праву. Никогда я не могу выглянуть вон из того окна без того, чтобы не

увидеть склон горы и богатые луга, просеки и ложбины, долины и леса, которые были нашими с тех пор, как нормандский Вилльям дал их тому Лорину, который нес его щит при Санлаке. Теперь, хитростью и обманом, они отняты от нас, и многие из отпущенников богаче меня, но никогда никто не осмелится сказать, что я спас остатки своего состояния, склонив шею под их ярмо. Пусть монахи делают самое худшее, я или вынесу все, или стану бороться с ними изо всех сил.

Старуха вздохнула и покачала головой.

— Ты говоришь, как истый Лорин, но я все же боюсь, что с нами случится какая-нибудь беда. Однако бросим этот разговор; все равно мы ничего не можем поделать. Где твоя цитра, Найгель? Не сыграешь ли ты мне и не споешь ли что-нибудь?

Дворянин того времени еле умел читать и писать, но он обыкновенно говорил на двух языках, играл, по крайней мере, на одном музыкальном инструменте и обладал множеством различных знаний, не знакомых нынешней культуре, — от умения приручать соколов до тайн псовой охоты; он знал каждое животное, каждую птицу, знал, когда их нельзя трогать и когда время их стрелять. От природы Найгель обладал физической силой и отличался во всех проявлениях ее: он мог скакать на лошади без седла, попадал стрелой в бегущую лань, мог вскарабкаться на стену замка. Но музыка

не давалась ему, и ему пришлось провести над ее изучением много часов тяжелой работы. Теперь он, по крайней мере, научился обращаться со струнами, но слух и голос у него были неважные, так что, может быть, и хорошо было, что только такая маленькая и к тому же такая пристрастная аудитория слушала норманно-французскую песню, которую он спел высоким металлическим голосом с большим чувством, но фальшивя и часто срываясь, покачивая в такт своей золотистой головой:

«Шпагу! Шпагу!

О, дайте мне шпагу!

Весь мир может быть покорен.

Пусть путь тяжел,

Пусть заперт вход —

Сильный проникнет внутрь.

Если случай и рок

Еще сторожат ограду.

Дайте мне железный ключ —

И выше сторожевой башни

Будет развеяться мое перо.

Коня! Коня! О, дайте мне коня,

Чтобы он быстрее нес меня

Туда, где чернее нужда,

Где труднее подвиг

и где слаще опасность...

Огради мои пути
От бездействия, полного яда,
И укажи мне путь
Слез и негодования,
Который ведет к высокой цели.

Сердце! Сердце!
О, дай мне сердце,
Способное на подвиг,
Ясное, возвышенное,
Смелое, идущее
Навстречу случайностям,
Чтобы терпеливо выжидать,
Непоколебимое, как рок,
Намечать, решаться и выполнять,
Возвышаться над всеми
И склониться только перед тобой,
Моя прекрасная леди...

Может быть, чувство действовало сильнее музыки или слух старой госпожи Эрминтруды притупился от времени, только она громко заплодировала своими худыми руками.

— У Уэзеркота был действительно способный ученик, — сказала она. — Пожалуйста, спой еще.

— Нет, дорогая госпожа; мы должны петь

поочередно. Пожалуйста, спойте какой-нибудь романс — вы знаете их все. За все те годы, что я слушаю их, я не дошел еще до конца и готов поклясться, что у вас в голове их больше, чем во всей большой книге, которую мне показывали в Тилфордском замке. Мне бы хотелось послушать «Песнь о Роланде» или «Сэра Изомбраса».

Старая дама начала длинную поэму. Сначала она говорила медленно и скучно; она ускоряла темп по мере того, как возрастал интерес, и, наконец, с простертыми руками и пылающим лицом леди Эрминтруда излилась к стихам, говоривших о пустоте низменной жизни, о красоте геройской смерти, высокой святой любви и о долге чести. Найгель, с неподвижным лицом, с угрюмыми глазами, упивался суровыми дикими словами, пока они наконец не замерли на устах старухи, которая откинулась назад в своем кресле. Найгель наклонился и поцеловал «в в лоб».

— Ваши слова будут всегда моей путеводной звездой, — сказал он. Потом принес столик с шахматами и предложил сыграть обычную партию перед отходом ко сну.

Но внезапное грубое вторжение прервало их мирную битву. Одна из собак насторожила уши и залаяла. Другие, ворча, побежали к двери. Затем послышался резкий звон оружия, глухой тяжелый удар дубины или рукоятки меча, и чей-то низкий

голос снаружи приказал именем короля открыть двери. Старуха и Найгель сразу вскочили, опрокинув столик; шахматы рассыпались по тростниковой подстилке. Найгель протянул было руку к арбалету, но леди Эрминтруда удержала ее.

— Милый сын, разве ты не слышал, что приказывают именем короля? — сказала она. — Назад, Тал-бот! Назад, Байярд! Открой дверь и впусти гонца.

Найгель открыл засов — и тяжелая деревянная дверь повернулась на петлях. Свет горящих факелов упал на стальные шлемы и на свирепые бородатые лица, отразился на вынутых из ножен мечах и на блестящих металлических колчанах. В комнату ворвалось около дюжины вооруженных людей. Во главе их был худой ключарь и толстый пожилой человек в красном бархатном колете и штанах, сильно запятнанных и забрызганных грязью и глиной. Он держал большой лист пергамента с целой бахромой из привешенных печатей. Войдя в комнату, он поднял лист кверху.

— Я вызываю Найгеля Лорина, — крикнул он. — Я, представитель королевского закона и мирской поверенный Уэверлийского аббатства, вызываю человека по имени Найгель Лорин.

— Это я.

— Да, это он! — крикнул ключарь. — Стрелки, исполните приказание.

В одно мгновение отряд бросился на Найгеля, как охотничьи собаки кидаются на оленя. Найгель отчаянно пытался схватить свой меч, лежавший на железном ларе. С судорожной силой, являющейся скорее следствием напряжения духа, чем тела, Найгель увлек за собой всех в том направлении, где лежал меч, но ключарь сбросил меч с ларя, а остальные оттащили вырывавшегося сквайра, свалили его и связали веревками.

— Держите его хорошенько, добрые стрелки, держите его крепче! — кричал пристав. — Пожалуйста, кто-нибудь отгоните этих больших собак, которые хватают меня за ноги. Остановитесь, говорю вам именем короля! Ваткин, стань между мной и этими тварями, которые так же не уважают закон, как и их хозяин.

Один из стрелков отогнал верных псов. Но в доме были и другие существа, точно так же готовые оскалить зубы в защиту старого дома Лоринов. Из дверей, ведущих в их жилища, показалась жалкая кучка бедных слуг Найгеля. Было время, когда за ярко-красными розами пошли бы десять рыцарей, сорок воинов и двести стрелков. Теперь на этот последний сбор, когда молодой глава дома лежал связанным в своей собственной зале, на его зов явился паж Чарлз с дубиной, повар Джон со своим самым длинным вертелом, старый вояка Красный Сквайр с страшным топором, занесенным над его

белоснежной головой, и менестрель Уэзеркот с рогатиной. Но эти так разнообразно вооруженные люди горели духом преданности и под предводительством старого солдата непременно кинулись бы на протянутые мечи стрелков, если бы леди Эрминтруда не встала между врагами.

— Назад, Сквайр! — крикнула она. — Назад, Уэзеркот! Чарлз, возьми собак на привязь и держи их! — Ее черные глаза горели таким страшным огнем, что стрелки испугались их взгляда. — Кто такие вы, негодяи, разбойники, что осмеливаетесь злоупотреблять именем короля и накладывать руки на того, чья малейшая капля крови драгоценнее всех ваших грубых подлых тел?

— Ну, не горячитесь так, госпожа; не горячитесь, пожалуйста! — крикнул толстый пристав, лицо которого приняло свой нормальный цвет, когда он увидел, что приходится иметь дело с женщиной. — В Англии есть закон, заметьте это, и есть люди, которые служат ему и поддерживают его; это верноподданные короля и представители закона. Я из числа их. Затем существуют еще и такие люди, которые хватают таких лиц, как я, и бросают их в болото. Таков вот тот безбожник старик с топором, которого я уже видел сегодня. Есть еще и такие, которые рвут, уничтожают и развевают по ветру юридические документы. Вот этот молодой человек один из таких людей.

Потому, благородная дама, я посоветовал бы вам не насмехаться над нами, а понять, что мы слуги короля, явившиеся исполнить его закон.

— Зачем вы явились в этот дом в такой поздний час?

Пристав торжественно откашлянулся и, повернув бумагу так, чтоб на нее падал свет лампы, прочел пространный документ, написанный в таком стиле и таким языком, что самые запутанные и нелепые из наших современных бумаг показались бы самыми простыми в сравнении с ними. Люди в длинных мантиях облекали таинственностью самые простые и понятные вопросы. Отчаяние оледенило сердце Найгеля, и лицо старой леди побледнело, пока они выслушивали длинный страшный перечень притязаний и требований, вопросов о податях и налогах, о пошлинах на дом, огонь, — и все это оканчивалось требованием земель, наследств, усадеб, всего имущества, принадлежащего дому Лоринов.

Найгель, все еще связанный, был положен спиной к железному ларю, откуда он, с сухими губами и потом на лице, выслушал приговор своему дому. Он вдруг прервал чтение яростным возгласом, от которого пристав привскочил на своем месте.

— Вы раскаетесь в том, что сделали в эту ночь! — крикнул он. — Как мы ни бедны, у нас

есть друзья, которые не позволят обижать нас, а я буду защищать свое дело в Виндзоре перед самим Его Величеством королем! Пусть он, который видел, как умер мой отец, узнает, что делают с его сыном именем короля. Эти дела должны разбираться законным порядком в королевских судах, а как вы оправдаетесь в этом нападении на мой дом и на мою личность?

— Но это другое дело, — сказал ключарь. — Вопрос о долгах может быть делом гражданского суда. Но раз вы осмелились наложить руки на пристава и его бумаги, то вы совершили преступление против закона и поддались наущению дьявола, а это подлежит аббатскому суду в Уэверли.

— Он говорит правду, — крикнул пристав, — Нет более черного греха!

— Поэтому, — сказал суровый монах, — по приказанию преподобного отца аббата вы проведете эту ночь в келье аббатства, а наутро предстанете перед ним на суд в капитуле, чтобы получить возмездие за этот поступок и за многие дерзкие и жестокие проступки против членов святой церкви. Теперь все сказано, достойный пристав. Стрелки, возьмите пленника!

Четверо рослых стрелков подняли Найгеля. Леди Эрминтруда бросилась было к нему, но ключарь оттолкнул ее.

— Назад, гордая женщина! Предоставь исполниться закону и научись смирать свое сердце перед могуществом св. церкви. Разве жизнь не дала уже урока тебе — тебе, род которой стоял выше всех высоких родов и у которой скоро не будет крова над головой. Отойди, говорю я, а не то я прокляну тебя.

Старуха внезапно разразилась страшным гневом.

— Слушай, как я буду проклинать тебя и всех вас, — крикнула она, стоя перед суровым монахом. Она подняла кверху свои худые сморщенные руки, а сверкающий взгляд, казалось, хотел истребить противника. — Да поступит Господь с вами, как вы поступили с домом Лоринов. Да исчезнет из Англии ваше могущество, и пусть из всего громадного Уэверлийского аббатства останется только куча серых камней на зеленом лугу. Я вижу это! Вижу своими старыми глазами. Начиная с этого дня да сгинет и погибнет в Уэверлийском аббатстве всё и все — от кухонного мужика до аббата, от погреба до башни!

Как ни был закален монах, он все же несколько оробел при виде исступленной женщины с ее горячей страстной речью. Пристав со стрелками и пленником уже ушел из дома. Ключарь повернулся и шумно захлопнул за собой тяжелую дубовую дверь.

V. Как Уэверлийский аббат судил Найгеля

Законы средних веков, туманно изложенные на старом норманно-французском диалекте с избытком грубых и непонятных терминов и оговорок, были страшным орудием в умелых руках. Не без причины восставшие простолюдины прежде всего отрубили голову лорду канцлеру. В то время, когда мало кто умел писать и читать, эти мистические и вычурные фразы в связи с пергаменами и печатями, являвшимися их внешним выражением, внушали ужас лицам, презиравшим всякую физическую опасность. Найгель, несмотря на всю живость и эластичность своего духа, пришел в уныние в ту ночь, когда он, лежа в келье Уэверлийского монастыря, размышлял об окончательной гибели, грозившей дому Лоринов, предотвратить которую не в силах было все его мужество. Выступить с мечом и щитом против проклятия церкви — все равно что защищаться ими против Черной смерти. Найгель был совершенно беспомощен в руках церкви. Она уже отрезала поле в одном месте, рощу в другом, а теперь сразу возьмет все. Куда денется тогда дом Лоринов, куда преклонит леди Эрминтруда свою старую голову, а его старые, больные и истощенные слуги — где проведут они остаток своих дней? Он

вздрогнул при этой мысли. Конечно, он мог грозить, что доведет дело до короля, но прошло уже десять лет с тех пор, как царственный Эдуард в последний раз слышал имя Лоринов, а Найгель знал, что у государей память плохая. Кроме того, церковь пользовалась неограниченной властью во дворце, как и в хижине, и только очень важные причины могли заставить короля пойти против намерений такого высокопоставленного прелата, как уэверлийский аббат, пока эти намерения не выходили из границ закона. Где же ему искать помощи? С простой и практической набожностью того времени он стал молить о помощи своих особенно любимых святых — св. Павла, которого он очень любил за его путешествия по морю и по суше, св. Георгия, который доблестно отличался в битве с драконом, и св. Фому, который был военным и должен понять и помочь человеку благородной крови. Успокоенный своей наивной молитвой, он заснул здоровым сном юности, пока его не разбудил утром светский брат, принесший ему на завтрак хлеба и пива.

Аббатский суд заседал в зале капитула в канонический третий час, то есть в девять часов до полудня. Всегда эти заседания бывали торжественны даже тогда, когда подсудимым был крестьянин, пойманный в браконьерстве во владениях аббатства, или торговец, обвиняемый в

обвесе. Но теперь, когда предстояло судить человека благородного происхождения, все мелочи, как комичные, так и производившие сильное впечатление, судебной и духовной церемонии были исполнены, как предписывал ритуал. Под звуки музыки, долетавшие из церкви, и при медленном звоне аббатского колокола братья в белых одеждах трижды обошли залу с пением «Benedicite» и «Veni Creator», прежде чем сесть на скамьи, стоявшие по обеим сторонам. Потом все монахи, занимавшие важные должности, по чинам — милостынераздаватель, лектор, капеллан, субприор и приор — направились к своим обычным местам. Наконец пришел угрюмый ключарь со смиренным торжеством на опущенном долу лице, а вслед за ними и сам аббат Джон, величественно выступавший с торжественным спокойным лицом, с отделанными в железо четками, ниспадавшими с пояса, с молитвенником в руках и с устами, поспешно бормотавшими установленную молитву. Он стал на колени перед высокой prie-Dieu⁸; по знаку приора братья распростерлись на полу, и низкие, глубокие голоса вознеслись в молитве, отдаваясь под арками и сводами, подобно всплеску волн, отскакивающих от стен океанской пещеры.

⁸ Скамеечка для молитвы (франц.).

Наконец монахи снова сели на свои места; вошли писцы в черных одеждах с перьями и пергаментами в руках, появился одетый в красный бархат пристав, который должен был изложить дело; ввели Найгеля, окруженного плотной стеной стрелков, и тогда открылся аббатский суд с соблюдением всех таинственных форм, всех юридических заклинаний на древнефранцузском языке.

К дубовому пюпитру, предназначенному для свидетелей, первым подошел ключарь и жестким, сухим голосом отчетливо изложил многочисленные жалобы, предъявляемые к дому Лоринов Уэверлийским аббатством. Несколько поколений тому назад один из Лоринов — отчасти в уплату за занятые им деньги, отчасти в благодарность за какую-то духовную милость — признал за аббатством известные феодальные права на его владения. Ключарь поднял кверху растрескавшийся желтый пергамент с висящими свинцовыми печатями, на котором основывался иск аббатства. Между другими обязанностями, взятыми на себя Лорином, значилась ежегодная плата на содержание одного всадника. Этой платы никогда не вносилось и службы не несло. Сумма этой повинности за все годы превышала доходы с имения. Кроме этого, ключарь предъявил другие иски. Он велел принести свои книги и, водя по листам своим худым, нетерпеливым пальцем,

отыскивал налог на одно, пошлину на другое, столько-то шиллингов в этом году, столько-то марок в том. Одни события произошли, когда Найгеля еще не было на свете, другие — когда он был ребенком. Цифры были проверены, и точность их удостоверена судебным приставом. Найгель слушал страшный отчет и чувствовал себя, как чувствует загнанный молодой олень, стоящий в гордой позе с Пылающим сердцем, видя и зная, что он окружен со всех сторон и спасения ему нет. Со своим решительным молодым лицом, смелыми голубыми глазами, гордым поворотом головы он казался достойным отпрыском старинного дома, а лучи солнца, проникавшие через высокое круглое окно и освещавшие запачканный рваный, некогда богатый камзол, казалось, указывали на падение его семьи.

Ключарь окончил свое показание, и прокурор собирался поставить решение, против которого ничего не мог возразить Найгель, когда вдруг он получил помощь с неожиданной стороны. Быть может, известного рода злобность, с которой ключарь поддерживал свое обвинение, быть может, дипломатическая нелюбовь к крайностям или инстинктивный порыв доброго чувства, — так как аббат Джон был человек хотя вспыльчивый, но отходчивый, — как бы то ни было, но белая пухлая рука поднялась в воздухе и властным жестом

показала, что суд не кончен.

— Наш брат ключарь исполнил свой долг, возбудив это дело, — сказал аббат, — так как мирские доходы этого аббатства находятся под его благочестивым надзором и к нему должны мы обращаться в случае, если они пострадают, потому что мы только опекуны тех, кто идет за нами. Но мне доверено нечто более драгоценное — дух и высокая репутация последователей правил св. Бернарда. С тех пор как святой основатель нашего ордена спустился в долину Клерво и построил там себе келью, мы всегда старались давать людям пример кротости и смирения. Поэтому мы строим наши дома в низменных местах, потому же на наших аббатских церквах нет башен, нет украшений, нет и металлов, кроме железа и олова, в наших стенах. Член нашего ордена должен есть с деревянного блюда, пить из железной чаши и довольствоваться свечой в свинцовом подсвечнике. Конечно, не ордену, ожидающему блаженства, обещанного смиренным, разбирать свою собственную тяжбу и таким образом приобретать земли своих соседей. Если наше дело справедливо — как я и сам полагаю, — то лучше было бы разбирать его в королевской сессии в Тилфорде, куда я и постановлю перенести его из аббатского суда.

Найгель вознес молитву трем стойким святым,

которые так хорошо и мужественно поддержали его в час нужды.

— Аббат Джон, — сказал он, — не думал я, что человеку моей фамилии придется когда-либо благодарить цистерцианца из Уэверли; но, клянусь св. Павлом, вы говорите сегодня как подобает мужчине, потому что разбирать дело аббатства в аббатском суде — все равно что играть фальшивыми костями.

Восемьдесят братьев в белых одеждах взглянули с выражением злобы, смешанной с любопытством, на того, кто так смело и откровенно обращался к человеку, казавшемуся им в их замкнутой жизни заместителем Бога на земле. Стрелки отступили от Найгеля, как будто позволяя ему уйти, но в эту минуту громкий голос пристава нарушил тишину.

— Святой отец аббат, — крикнул он, — ваше решение действительно «*secundum legem*» и «*intra vires*»⁹ относительно того, что касается гражданского процесса между этим господином и аббатством. Это ваше дело. Но я, пристав Джозеф, с которым поступлено ужасно и преступно, у которого уничтожены повестки и другие документы, нарушен авторитет, которого тащили

⁹ По закону и по-мужски (лат.).

по топи, трясине или болоту, так что мой бархатный плащ и серебряная служебная печать потеряны и находятся, как я уверен, в болоте, трясине или топи...

— Довольно! — крикнул сурово аббат. — Бросьте эту глупую манеру говорить и скажите прямо, чего вы хотите.

— Святой отец, я служитель королевского закона, как слуга Святой Церкви, и мне воспрепятствовали исполнить мои законные обязанности, а мои бумаги, написанные от имени короля, были разорваны в клочки и рассеяны по ветру. Поэтому я требую суда над этим человеком в аббатском суде, так как вышеприведенное нападение произведено в границах юрисдикции аббатского суда.

— Что вы имеете сказать на это, брат ключарь? — спросил несколько озабоченный аббат.

— Я скажу, отец мой, что мы вправе поступить кротко и милостиво во всем, что касается лично нас, но когда дело касается королевского чиновника, мы не исполнили бы своего долга, если бы не оказали ему требуемого покровительства. Напоминаю вам еще, святой отец, что это — не первое насилие со стороны этого человека; он и раньше бил наших слуг, не признавая нашего авторитета, и впустил щук в рыбный садок самого аббата.

Пухлые щеки прелата вспыхнули от гнева при воспоминании об этой обиде. Глаза его приняли жестокое выражение, когда он взглянул на пленника.

— Скажите мне, сквайр Найгель, вы действительно впустили щук в пруд?

Молодой человек гордо выпрямился.

— Прежде чем ответить на этот вопрос, отец аббат, ответьте на мой и скажите, какое добро мне сделали уэверлийские монахи и ради чего я должен не делать им зла?

Тихий ропот пробежал по комнате: частью удивление перед такой откровенностью, частью гнев на такую смелость. Аббат сел в кресло, как человек, принявший решение.

— Изложите мне дело, пристав, — сказал он. — Правосудие будет свершено и обидчик наказан, кто бы он ни был — дворянин или простой человек. Изложите суду вашу жалобу...

Рассказ пристава, хотя несвязный и наполненный бесчисленными повторениями юридических терминов, был вполне ясен относительно существа дела. Красный Сквайр с сердитым лицом, обрамленным седой щетиной, сознался в своем дурном обращении с приставом.

Второй подсудимый, маленький, сухой смуглый стрелок из Черта, вторил ему. Оба они готовы были доказать, что молодой сквайр Найгель

Лорин ничего не знал об этом. Но тут примешался неловкий случай с бумагами. Найгель, для которого была немыслима ложь, сознался, что своими собственными руками разорвал в клочки эти важные документы. Он был слишком горд для того, чтоб извиняться или объясняться. Лицо аббата омрачилось, а ключарь с иронической улыбкой посмотрел на подсудимого. В зале наступила торжественная тишина: дело было окончено, оставалось ждать решения.

— Сквайр Найгель, — сказал аббат, — вам — как всем известно, принадлежащему к одному из древнейших родов в этой местности, — вам следовало бы подавать другим пример хорошего поведения. Вместо того ваш замок был всегда центром распрей, а теперь вы не удовлетворились вашим резким отношением к нам, цистерцианским монахам Уэверли, но еще выказали презрение к закону короля и при помощи ваших слуг дурно обошлись с его посланным. За такого рода обиды я мог бы призвать на вашу голову духовные кары церкви, но я не хочу быть жестоким, потому что вы молоды и еще на той неделе спасли жизнь одному из слуг аббатства, когда он подвергался опасности. Поэтому я воспользуюсь моей властью, чтобы применить временную и телесную как для усмирения вашего смелого духа и для подавления упрямства и жестокости, которыми отличались все

ваши действия относительно нашего аббатства. Хлеб и вода в продолжение шести недель и ежедневные увещания нашего капеллана, благочестивого отца Амвросия, могут заставить склониться гордую голову и смягчить жестокое сердце.

При этом постыдном приговоре, по которому гордый наследник дома Лоринов должен был разделить участь простого контрабандиста, горячий румянец залил щеки Найгеля; он обвел взором всех присутствующих; блеск его глаз говорил больше всяких слов, что он не исполнит покорно этого приговора. Два раза пытался он заговорить, и оба раза гнев и стыд стесняли ему горло.

— Я не ваш подданный, гордый аббат! — наконец крикнул он. — Мой дом всегда был вассалом короля, я отрицаю власть вашу и право вашего суда произносить приговор надо мной. Наказывайте ваших монахов, которые хнычут, лишь только вы наморщите лоб, но не смейте накладывать вашу руку на того, кто не боится вас, потому что он свободный человек и равный всем, кроме одного короля.

На одно мгновение аббат как будто поколебался от этих слов, произнесенных громким голосом. Но более суровый ключарь, по обыкновению, поспешил укрепить его волю. Он поднял руку со старым пергаментом.

— Лорины действительно были вассалами короля, — сказал он, — но вот печать Юстэса Лорина, которая показывает, что он признал себя вассалом аббатства и принял землю от него.

— Потому что он был благороден! — крикнул Найгель. — Потому что у него и в мысли не было возможности мошенничества или обмана!

— Если мой голос может быть выслушан в том, что касается закона, отец аббат, — сказал пристав, — то вопрос о причинах, по которым какой-либо акт был подписан или утверждён, не имеет никакого значения. Суд имеет дело только с постановлениями, статьями, договорами и контрактами данного дела.

— К тому же, — сказал ключарь, — приговор уже произнесён аббатским судом, и честь и доброе имя суда зависят от его исполнения.

— Брат ключарь, — сердито сказал аббат, — мне кажется, что вы выказываете слишком много усердия в этом деле, и, право, мы и сами без ваших советов сумеем поддержать достоинство и честь аббатского суда. Что же касается вас, почтенный пристав, то вы выскажете ваше мнение, когда оно потребуется нам, не раньше, а не то и вам придется поближе познакомиться с могуществом нашего трибунала. А ваше дело, сквайр Лорин, кончено и приговор постановлен. Мне нечего больше делать.

Он дал знак, и стрелок положил руку на плечо

подсудимого. Это грубое прикосновение плеча вызвало целую бурю негодования в душе Найгеля. Из всей длинной линии его предков подвергался ли хоть один такому унижению? Не предпочли ли бы они смерть? И неужели он первый унизит дух и традиции своего рода? Быстрым, ловким движением он проскользнул под рукой у стрелка и выхватил короткий прямой меч, висевший сбоку у солдата. В следующее мгновение он взобрался в нишу одного из узких окон и с бледным решительным лицом, горящими глазами, с мечом наготове обратился к монахам.

— Клянусь св. Павлом, — сказал он, — я никак не думал, что можно отличиться каким-нибудь почетным подвигом под кровлей аббатства, но, может быть, это и удастся мне, прежде чем вы упрячете меня в свою тюрьму.

В зале воцарилось полное смятение... Никогда за все долгое и степенное существование аббатства стены его не были свидетельницами подобной сцены. На одно мгновение сами монахи как бы заразились духом смелого возмущения. Цепи, которые они носили всю свою жизнь, словно стали свободнее при виде такого неслыханного вызова авторитету аббата. Они вскочили со своих мест и столпились, полуиспуганные, получарованные, и окружили смелого пленника, болтая, жестикулируя, гримасничая. Много долгих

недель надо было провести в покаянии, подвергаясь бичеванию, прежде чем тень этого дня исчезла из Уэверли. Но теперь не было возможности привести монахов к послушанию. Везде царствовали хаос и беспорядок. Аббат встал с своего места и гневно и поспешно пошел вперед, исчезая в толпе монахов, словно овчарка, которая прячется среди своего стада. Один только ключарь стоял спокойно. Он нашел себе защиту за полудюжиной стрелков, которые смотрели с некоторым одобрением и с сильной нерешительностью на смелого юношу.

— Вперед! — крикнул ключарь. — Неужели он ослушается авторитета суда? Или один человек может запугать вас шестерых? Окружите его и схватите. Беддлсмер, отчего вы держитесь назади?

Тот, кого он назвал, высокий человек с лохматой бородой, одетый, как и остальные, в зеленый камзол и штаны, в высоких коричневых сапогах, медленно с мечом в руке подвигался к Найгелю. Душа его не лежала к этому делу, так как церковные суды не были популярны в народе и все в глубине души сожалели о падении дома Лоринов и желали блага его молодому наследнику.

— Ну, молодой сэр, вы достаточно наделали переполоху, — сказал он. — Сойдите-ка да сдайтесь.

— Приди и возьми меня, молодец, — сказал Найгель с вызывающей улыбкой.

Стрелок вбежал в нишу. Послышался лязг стали, Клинок блеснул в воздухе с быстротой молнии, и стрелок отшатнулся; кровь брызнула у него из руки и стекала с концов пальцев. Он тряхнул ими и пробормотал саксонское проклятие.

— Клянусь черным распятием Бромегольма! — вскрикнул он. — Это все равно как если б я засунул руку в лисью нору, чтоб отнять мать у лисят.

— Отойди, — резко проговорил Найгель. — Я не хочу сделать тебе зла, но, клянусь святым Павлом, я не дамся в руки и плохо тому, кто попробует взять меня.

Глаза его горели такой яростью, а лезвие меча, которое он держал, укрываясь в маленькой оконной нише, имело такой грозный вид, что маленькая кучка стрелков не знала, что предпринять. Аббат пробился через толпу и стал рядом со стрелками, весь багровый от чувства оскорбленного достоинства.

— Он — вне закона, — сказал он. — Он пролил кровь в суде, а этому греху нет прощения. Я не желаю, чтоб насмехались над моим судом и попирали его. Поднявший меч от меча погибнет. Лесник Гюг, вложите стрелу в лук.

Лесник, один из светских слуг аббатства, согнул большой лук и прикрепил спущенную тетиву к верхней зарубке, затем, вынув из-за пояса

одну из страшных блестящих трехфутовых стрел со стальным наконечником и оперением, положил ее на тетиву.

— Ну, теперь держи лук наготове! — крикнул взбешенный брат. — Сквайр Найгель, Святой Церкви не пристало проливать кровь, но на жестоких людей можно действовать только силой, и грех да падет на вашу главу. Бросьте меч, который вы держите в руке.

— Вы дадите мне свободно выйти из вашего аббатства?

— После того как исполнится приговор и вы загладите ваш грех.

— Тогда я предпочитаю умереть там, где стою, чем отдать мой меч.

Зловещий огонь вспыхнул в глазах аббата. Он был из воиственного нормандского рода, подобно многим из тех свирепых прелатов, которые, неся булаву, чтобы не проливать крови, вели свои войска в сражения, постоянно помня, что именно один из людей их звания и достоинства решил судьбу долгого рокового дня при Гастингсе. Исчезла мягкая интонация прелата, и жесткий солдатский голос проговорил:

— Даю вам минуту, не более. Затем, когда я крикну: «Пускай!» — пронзить его стрелой.

Стрела была наготове, лук наведен, и суровые глаза лесника устремлены на цель. Медленно

ползла минута; Найгель шептал молитву своим трем святым — уже не о том, чтоб они спасли его тело в здешнем мире, а чтобы позаботились о его душе в будущем. Наконец он решился броситься в толпу своих врагов и уже согнулся, чтобы прыгнуть, как вдруг тетива лука оборвалась надвое, издав низкий дрожащий звук, похожий на звук лопнувшей струны арфы, а стрела с шумом упала на черепичный пол. В то же мгновение молодой кудрявый стрелок с широкими плечами и могучей грудью, говорившими о его страшной силе настолько же ясно, как его открытое лицо и голубые глаза говорили о его веселости и смелости, выскочил вперед с мечом в руке и стал рядом с Найгелем.

— Нет, товарищи, — сказал он. — Сам Элвард не может стоять сложа руки и смотреть, как застрелят храброго человека, словно буйвола. Пятеро против одного — плохо, но двое против четырех лучше, и я клянусь костями моих предков, что сквайр Найгель и я выйдем вместе из этой ниши, на ногах или иначе — все равно.

Появление такого страшного союзника, пользовавшегося высокой репутацией среди своих товарищей, еще более охладило и без того не слишком горячее рвение атакующих. Левой рукой Элвард держал натянутый лук, а от Вулмерского леса до Уайлда он был известен как самый

быстрый, верный стрелок, попадавший в оленя на расстоянии ста шагов.

— Ну, Беддлсмор, не напяливай-ка тетивы, а то, может быть, я заставлю твою руку отдыхать месяца два, — сказал Элвард. — Меч, если желаете, товарищи, но ни один человек не натянет своего лука, пока я не спущу тетивы.

Между тем гнев аббата и ключаря возрастал с каждым новым препятствием.

— Плохой это день для твоего отца, который арендует ферму Круксберри, — сказал ключарь. — Пожалееет он о том, что у него есть сын, который заставил его потерять землю и кровь.

— Отец мой — храбрый человек и пожалел бы еще более, если бы его сын стоял сложа руки, когда при нем совершается нечестное дело. Вперед, товарищи! Мы идем.

Четыре стрелка, ободряемые обещанием награды, если они послужат аббатству, и угрозами наказания, если они не исполнят приказаний, только что приготовились к нападению, как неожиданное обстоятельство придало совершенно новое направление делу.

Пока происходили эти события, у дверей залы собралась смешанная толпа послушников и слуг, которые следили за развитием драмы с интересом и восторгом, вызываемыми обыкновенно внезапным нарушением скучной рутины. Вдруг в задних рядах

произошло смятение, потом какой-то шум в центре, и наконец передний ряд был стремительно отброшен в сторону. Из образовавшегося отверстия вышла странная, оригинальная фигура, которая с момента своего появления, казалось, стала доминировать над залой суда и аббатства, над монахами, прелатом и стрелками, словно в лице ее явился господин и повелитель.

Это был человек старше среднего возраста, с жидкими волосами лимонного цвета, с завивающимися усами и бородкой такого же цвета, с высоко поднятым лицом, которое служило словно рамкой для его большого носа, похожего на орлиный клюв. Цвет его лица стал коричневым от ветра и солнца. Он был высок, худ, с резко обозначенными суставами, но суетлив, гибок и силен. Один глаз был совершенно закрыт веком, плотно прилежавшим к пустой орбите; зато другой, полный ума, быстро двигался и блестел насмешливым лукавым огнем; казалось, весь огонь его души прорывался через эту узкую щель.

Одежда его была так же замечательна, как и его личность. На отворотах богатого пурпурового колета и на плаще виднелся странный ярко-красный рисунок в виде клина. Дорогие кружева висели у него вокруг плеч, и среди их мягких складок блестела тяжелая золотая цепь. Рыцарская перевязь и рыцарские золотые шпоры, блестящие на его

высоких замшевых сапогах, говорили о его положении в свете, а на запястье его левой перчатки сидел смирный маленький сокол в клубочке, той породы, которая сама по себе уже ясно указывала высокое положение хозяина птицы. Оружия у незнакомца не было; за спиной висела мандолина на черной шелковой ленте, и ее темный гриф выглядывал у него из-за плеча. Таков был этот странный, насмешливый, властный человек, что-то грозное чувствовалось в нем. Незнакомец посмотрел на стоявшие друг против друга группы вооруженных людей и на взбешенных монахов взглядом, приковавшим к себе общее внимание.

— Excusez! — сказал он по-французски, пришепетывая. — Excusez, mes amis ¹⁰ ! Здесь какой-то бой или турнир... Я думал, что отвлеку вас от молитвы или размышлений, но никогда под кровлей какого-либо аббатства не приходилось мне видеть подобных святых упражнений с мечами вместо требников и стрелками вместо церковных прислужников. Боюсь, что пришел не вовремя, но я приехал с поручением от человека, который не терпит замедлений.

Аббат и, по всей вероятности, ключарь начали понимать, что дело зашло гораздо дальше, чем они

¹⁰ Извините, друзья мои! (франц.).

хотели, и что нелегко будет без громадного скандала спасти свое достоинство и доброе имя Уэверли. Поэтому, несмотря на небрежное, чтоб не сказать непочтительное, обращение незнакомца, они обрадовались его появлению и вмешательству.

— Я — уэверлийский аббат, милый сын мой, — сказал прелат, — если ваше поручение относится до общественного дела, его нужно передать здесь, если же нет, то я дам вам аудиенцию в моей комнате, так как я ясно вижу, что вы человек благородной крови и военный, который не стал бы легкомысленно вмешиваться в дело нашего суда — дело, как вы сами заметили, малоприятное для мирных людей вроде меня и братьев ордена св. Бернарда.

— *Pardieu* ¹¹, отец аббат! — сказал незнакомец. — Стоило только взглянуть на вас и на ваших людей, чтобы увидеть, что дело было действительно не по вкусу вам и, может быть, станет еще хуже, если, вместо того чтоб смотреть, как нападают на юношу с благородной осанкой, я попробую сам вступить за него.

При, этих словах улыбка аббата превратилась в гримасу.

— Лучше бы, сэръ, вы передали поручение, с

¹¹ Черт возьми! (франц.)

которым вы, по вашим словам, явились сюда, чем защищать подсудимого против правильного приговора суда.

Незнакомец обвел судей вопросительным взглядом.

— Мое поручение не к вам, отец аббат. Оно к лицу, мне неизвестному. Я был у него в доме, и меня послали сюда. Имя его — Найгель Аорин.

— Это я, сэр.

— Я так и думал. Я знал вашего отца, Юстэса Лорина, и хотя из него можно было бы сделать двух таких, как вы, но все же он наложил свой отпечаток на ваше лицо.

— Вы не знаете настоящего положения дела, — сказал аббат. — Если вы честный человек, вы отойдете от этого молодого человека, потому что он жестоко согрешил против закона и сторонники короля должны поддержать нас.

— И вы призвали его на суд! — крикнул незнакомец, видно, забавляясь. — Это все равно как если бы стая грачей судила сокола. Кажется, вы убедились, что судить легче, чем наказывать. Позвольте вам сказать, отец аббат, что вы поступили неправильно. Право суда дано было подобным вам для того, чтобы вы могли обуздать крикуна-подчиненного или наказать пьяного лесника, а не для того, чтобы тащить к вашему суду человека лучшей крови Англии и напускать на него

ваших стрелков за то, что он не подчиняется вашему приговору.

Аббат не привык слышать упреков, произносимых таким строгим голосом, под кровлей своего аббатства и перед слушателями-монахами.

— Быть может, вы увидите, что аббатский суд имеет более власти, чем вы предполагаете, г. рыцарь, — сказал он, — да еще и рыцарь ли вы; ваша речь невежлива и резка; прежде чем идти далее, я попрошу вас сказать мне ваше имя и положение.

Незнакомец расхохотался.

— Оно и видно, что вы люди мирные, — гордо сказал он. — Покажи я этот знак, — и он дотронулся до знаков на своих отворотках, — все равно где — на щите или на знамени, — в болотах Франции или Шотландии, нет кавалера, который не знал бы красного треугольника Чандосов. Чандос, Джон Чандос, цвет английского рыцарства, гордость странствующих рыцарей, герой около шестидесяти отчаянных предприятий, имя которого было известно и почитаемо с одного края Европы до другого!

Найгель смотрел на него, как на чудесное видение. Стрелки, пораженные, отступили назад, а монахи окружили знаменитого участника французских войн. Аббат понизил тон, и улыбка показалась на его разгневанном лице.

— Мы и вправду мирные люди, сэра Джон, — сказал он, — и мало опытни в рыцарской геральдике, но, как ни крепки наши стены, они все же не настолько плотны, чтобы слава ваших подвигов не прошла сквозь них и не достигла наших ушей. Если вы интересуетесь этим сбившимся с пути молодым человеком, не нам мешать вашим добрым намерениям. Я, право, рад, что у него есть друг, который может дать ему такой хороший пример.

— Благодарю вас за любезность, добрый отец аббат, — небрежно сказал Чандос. — Но у этого молодого сквайра есть лучший друг, чем я; он добрее меня к тем, кого любит, и страшнее к тем, кого ненавидит. Я являюсь его посланцем.

— Прошу вас, добрый и почтенный сэра, — а сказал Найгель. — Скажите, какое известие принесли вы мне?

— Вот оно, *mon ami*: ваш друг приезжает в эту сторону и хотел бы переночевать в Тилфордском замке ради любви и почтения, которые он питает к вашей семье.

— Рад приветствовать его, — сказал Найгель, — но в то же время надеюсь, что он из тех, кто может удовлетвориться солдатской пищей и спать под смиренной кровлей.

— Он действительно солдат — воин, и хороший, — со смехом ответил Чандос, — и я

удостоверяю, что ему приходилось спать в худших квартирах, чем Тилфордский замок.

— У меня мало друзей, добрый сэр, — в смущении сказал Найгель. — Пожалуйста, скажите мне имя этого господина.

— Его имя Эдуард.

— Может быть, сэр Эдуард Мортимер из Кента или сэр Эдуард Брокас, о котором постоянно говорит леди Эрминтруда?

— Нет, он известен только под одним именем Эдуарда, а если вы желаете знать его фамилию, то это Плантагенет, потому что тот, кто ищет убежища под вашей кровлей, — мой и ваш сюзерен, его величество Эдуард Английский.

VI. Леди Эрминтруда открывает свой железный ларь

Как во сне выслушал Найгель эти удивительные, невероятные слова. И все так же, словно во сне, пред ним мелькнули улыбающийся примирительной улыбкой аббат, приторно-вежливый ключарь и отряд стрелков, которые прокладывали путь ему и посланному короля среди толпы, наполнившей вход в аббатский двор. Минуту спустя он прошел рядом с Чандосом по мирному монастырю, перед ним в открытую арку главного хода виднелась широкая желтая

дорога, окаймленная зелеными лугами. Весенний воздух казался еще приятнее и ароматнее после того леденящего ужаса бесчестия и неволи, который только что сжимал его горячее сердце. Найгель уже прошел в ворота, когда почувствовал, что его дергают за рукав. Он обернулся и увидел перед собой смуглое честное лицо и смелые глаза стрелка, который помог ему.

— Ну, — сказал Элвард, — что скажете вы мне, молодой сэръ?

— Что я могу сказать вам, мой милый? Только поблагодарить вас от всего сердца. Клянусь св. Павлом, будь вы моим братом по крови, вы не могли бы лучше поддержать меня.

— Ну, этого недостаточно.

Найгель вспыхнул от гнева, тем более что Чандос слушал их разговор со свойственной ему насмешливой улыбкой.

— Если вы слышали то, что говорилось в суде, — сказал он, — то понимаете, что в настоящее время я не особенно осыпан благами мира. Черная смерть и монахи сильно разорили наши владения. Охотно дал бы вам пригоршню золотых монет, так как вы, кажется, желаете этого, но у меня нет их, и потому вам придется удовольствоваться моей благодарностью.

— Ваших денег мне не нужно, — резко сказал Элвард, — да и преданности моей вам не купить,

хотя бы вы озолотили меня, если бы вы не были мне по сердцу. Но я видел, как вы укротили рыжую лошадь и как стояли перед уэверлийским аббатом, и вы именно тот господин, которому я рад был бы служить, если бы у вас нашлось место для такого человека, как я. Видел я ваших слуг и не сомневаюсь, что при жизни вашего дедушки они были сильными молодцами, но кто из них в настоящее время может хорошенько натянуть тетиву? Из-за вас я бросил службу в Уэверлийском аббатстве и не знаю, где найду место. Если останусь здесь, то буду негоден, как старая тетива.

— Ну, в месте-то недостатка не будет, — сказал Чандос. — Такой храбрый, смелый стрелок пригодится на французском берегу. У меня двести таких молодцов, и я был бы очень доволен видеть вас между ними.

— Благодарю вас за ваше предложение, благородный сэра, — сказал Элвард, — я скорее пошел бы под вашим знаменем, чем под каким-нибудь другим, так как всем известно, что оно всегда впереди, а я достаточно слышал о войне, чтобы знать, как мало остается тому, кто идет позади. Но если сквайр возьмет меня, то мне хотелось бы сражаться под пятью розами Лоринов, потому что хотя я и родился в Изборнском округе Чичестера, но вырос в здешних местах, здесь же научился обращаться с луком и, как свободный сын

свободного поселянина, хотел бы лучше служить соседу, чем чужому.

— Мой милый, — сказал Найгель, — ведь я же сказал вам, что не в состоянии вознаградить вас за такую службу.

— Если вы возьмете меня на войну, то я уже сам позабочусь о вознаграждении, — сказал Элвард. — До тех пор я ничего у вас не прошу, кроме места за уголком вашего стола да шести футов пола. Ясно, что за сегодняшнее мое дело от аббатства я получу только плеть для спины да колодки на ноги. Сэмкин Элвард служит вам с этого часа, сквайр Найгель, и клянусь костями моих десяти пальцев, пусть дьявол унесет его, если вы когда-либо пожалеете об этом. — Сказав это, он приложил руку к своему стальному шлему, закинул на спину свой большой желтый лук и пошел в нескольких шагах от своего нового хозяина.

— *Pardieu!* Я приехал *a la bonne heure*¹², — сказал Чандос. — Я выехал из Виндзора и нашел ваш замок пустым. Там была только славная старая дама, которая рассказала мне о ваших затруднениях. От нее я пошел пешком в аббатство, и вовремя, так как дело было нешуточное со всеми этими стрелами, приготовленными для вашего тела,

¹² Черт возьми, я приехал вовремя (франц.).

и с колоколом, молитвенником и свечами для вашей души. Но вот, если не ошибаюсь, и сама дама!

Действительно, из замка вышла и направилась к ним странная фигура леди Эрминтруды — худая, сгорбленная и опирающаяся на палку. Она хрипло рассмеялась и погрозила палкой в сторону большого здания аббатства, когда узнала о неудаче, постигшей тамошних обитателей. Потом она прошла в залу, где приготовила все, что у нее было лучшего, для своего знаменитого гостя. В ее жилах текла, между прочим, и кровь Чандосов через родство с фамилиями де Грей, де Мелтон, де Баланс, де Монтегю и другими высокими и благородными родами. Ужин был окончен и приборы убраны, прежде чем она покончила с объяснениями браков и свойства и всевозможными геральдическими подробностями, доказывавшими общее происхождение герба обоих родов. Начиная с завоевания Англии Норманнами и даже раньше этого времени, не было ни одного благородного генеалогического древа, каждая ветвь которого не была бы известна леди Эрминтуде.

Когда столы были убраны и хозяева остались одни с гостем, Чандос передал леди Эрминтуде поручение короля.

— Король Эдуард постоянно вспоминает о вашем сыне, благородном рыцаре сэре Юстэсе, —

сказал он. — На этой неделе он едет в Саутгэмптон, и я его гонец. Он просил меня передать вам, благородная, уважаемая леди, что он поедет из Гилдфорда короткими переездами так, что желал бы провести одну ночь под вашим кровом.

При этих словах старуха сначала вспыхнула от удовольствия, потом побледнела от огорчения.

— Это действительно большая честь для дома Лоринов, — сказала она, — но наш дом скромн, а стол, как вы сами видели, очень простой. Король не знает, что мы так бедны, и я боюсь, что мы покажемся ему невоспитанными и скупыми.

Но Чандос успокоил ее опасения. Свита короля проедет в Фарнгэмский замок. Дам с ним нет. Хотя он и король, но выносливый солдат, не обращающий внимания на неудобства. Во всяком случае, раз он объявил о своем приезде, приходится мириться с этим. В заключение Чандос самым деликатным образом предложил к услугам хозяйки свой кошелек. Но к леди Эрминтруде уже вернулось ее обычное спокойствие.

— Нет, не нужно, милый родственник, — сказала она. — я приготовлю для короля что могу. Он вспомнит, что дом Лоринов всегда готов жертвовать ему своею кровью и жизнью, если и не может дать ничего иного.

Чандос должен был ехать в Фарнгэмский замок и дальше, но выразил желание прежде взять

горячую ванну в Тилфорде; подобно большинству своих товарищей рыцарей, он любил кипеть в самой горячей воде. Поэтому ванна — высокое сооружение, обитое обручами, имевшее вид громадной, но короткой маслобойни, — была внесена в комнату гостя, который пригласил к себе Найгеля, пока сам жарился и потел в своей бочке. Найгель уселся на высокую кровать, спустил ноги и с удивлением смотрел на странное лицо, всклокоченные желтые волосы и мускулистые плечи знаменитого воина, еле видневшиеся среди столба пара. Чандос говорил охотно, и Найгель с нетерпением во взоре осыпал его тысячами вопросов, жадно слушая каждое слово, доносившееся до него из облака пара, подобно изречениям древнего оракула. Старому воину Чандосу, для которого война потеряла впечатление свежести, слушая быстрые вопросы Найгеля и видя восхищенное внимание, с которым он прислушивался к словам рыцаря, казалось, что возвращается его собственная кипучая молодость.

— Расскажите мне про валлийцев, почтенный сэр, — спросил сквайр. — Что они за воины?

— Они очень храбрые воины, — сказал Чандос, плескаясь в своей бочке. — В их долинах, если едешь с небольшой свитой, приходится выносить много стычек. Они вспыхивают, словно терновый куст в пламени, но если удастся вынести

несколько времени их горячность, они могут стать хладнокровнее.

— А шотландцы? — спросил Найгель. — Насколько я помню, вы сражались и с ними?

— На свете нет лучших воинов, чем шотландские рыцари, и тому, кто сможет устоять перед лучшими из них — будь то Дуглас, Меррей или Ситон, — нечему учиться. Будь вы какой угодно храбрый человек, вы всегда найдете человека одной с вами храбрости, если отправитесь на север. Если валлийцы похожи на пылающий терновый куст, то — *pardieu!* — шотландцы — это торфяное болото, потому что они вечно дымятся и с ними никогда не разделаешься. Много счастливых часов провел я на болотах Шотландии, потому что там, когда и нет войны, Перси из Элнвика или губернатор Карлэйля всегда могут вызвать небольшие стычки с пограничными кланами.

— Я помню, отец говорил, что они чудесно управляются с копьями.

— Да, в этом отношении они превосходят других, потому что копья у них в двенадцать футов длины и они держат их очень сомкнутыми; но стрелки из лука они слабые, за исключением людей Эттрика и Селкирка, которые населяют лесистые местности. Пожалуйста, Найгель, откройте окно; пар слишком густ. А в Уэльсе с копьями обращаются плохо, а из стрелков в этих местностях

самые лучшие в Гвенте. Лук у них из вяза, и стреляют они так сильно, что я знал одного рыцаря, у которого убило лошадь стрелой, прошедшей сквозь его бедро и сквозь седло. А между тем что значит стрела, хотя бы брошенная со всей силы, в сравнении с этими новыми железными шариками, выгоняемыми пороховым огнем, которые сокрушают латы, как камень разбивает яйцо? Отцы наши не были знакомы с ними.

— Тем лучше для нас, — вскричал Найгель, — потому что хоть один почетный риск принадлежит только нам.

Чандос рассмеялся и посмотрел на вспыхнувшего юношу блестящим, полным сочувствия взглядом.

— Ваша манера говорить переносит меня к старикам, которых я встречал в детстве, — сказал он. — В то время еще оставалось несколько настоящих бродячих рыцарей, и они говорили, как вы. Хоть вы и молоды, вы принадлежите другому веку. Откуда у вас такая манера мыслить и говорить?

— У меня была только одна учительница — леди Эрминтруда.

— *Pardieu!* Она выдрессировала славного молодого сокола, готового броситься на благородную добычу, — сказал Чандос. — Мне бы хотелось первому снять с вас клубочок. Не поедете

ли вы со мной на войну?

Слезы брызнули из глаз Найгеля, и он сильно потряс худую руку, протянутую ему из ванны.

— Клянусь св. Павлом, лучше этого для меня не может быть на свете! Я боюсь оставить ее, потому что о ней некому заботиться; но если это можно устроить...

— Король может уладить это. Не говорите ничего больше, пока он не приедет сюда. Но если хотите ехать со мной...

— Разве может человек желать чего-нибудь больше? Найдется ли в Англии хоть один оруженосец, который не захотел бы служить под знаменем Чандоса? Куда вы едете, сэръ? И когда? В Шотландию? В Ирландию? Во Францию? Но увы, увы!

Сияющее лицо омрачилось. На одно мгновение он забыл, что вооружение было так же недоступно ему по средствам, как золотой столовый прибор. В одно мгновение все его радужные надежды разлетелись в прах. О, эти противные материальные заботы, становящиеся между нашими мечтами и исполнением их! Оруженосец такого рыцаря должен одеваться наравне с самыми нарядными. А всех доходов с Тилфорда не хватит и на одни латы.

Со свойственной ему быстротой соображения и знанием света Чандос угадал причину этой

внезапной перемены.

— Если вы будете сражаться под моим знаменем, то я должен добыть вам и вооружение, — сказал он. — Нет, я не позволю вам отказаться.

Но Найгель печально покачал головой.

— Это невозможно. Леди Эрминтруда скорее предаст старый дом и всю землю, чем позволит мне воспользоваться вашим любезным предложением. Но я не отчаиваюсь: на прошлой неделе я добыл себе благородного боевого коня, за которого не заплатил ни пенни. Может быть, мне так же достанется и вооружение.

— А как вы добыли себе коня?

— Мне дали его уэверлийские монахи.

— Это удивительно. *Pardieu!* По тому, что я видел, я скорее ожидал бы, что они могли бы дать вам разве только свое проклятие.

— Лошадь была им не нужна, и они дали ее мне.

— Значит, остается только найти кого-нибудь, кому не надо вооружения и кто дал бы его вам. Надеюсь, что вы хорошенько обдумаете и позволите мне — так как добрая леди доказала, что я вам родственник, — снарядить вас на войну.

— Благодарю вас, благородный сэр, и если бы нужно было обратиться к кому-нибудь, я обратился бы к вам, но сначала я хочу попробовать другие способы. Но, пожалуйста, добрый сэр Джон,

расскажите мне что-нибудь о ваших битвах с французами; вся наша страна полна рассказами о ваших подвигах. Я слышал, что в одно утро три чемпиона пало от вашего копья. Правда ли это?

— Что это правда, доказывают вот эти шрамы на моем теле; но то были безумства моей молодости.

— Как можете вы называть это безумством? Разве эти подвиги не ведут к почестям и к возвеличению дамы сердца?

— Вам следует так думать, Найгель. В ваши годы у человека должна быть горячая голова и великодушное сердце. И я был такой же и сражался и из-за перчатки моей дамы, и из-за данного обета, и из любви к битве. Но по мере того, как человек стареет и ему приходится командовать другими, он начинает заботиться и о других вещах. Меньше думаешь о своих личных почестях, больше — о безопасности армии. Исход битвы зависит не от удара копья, меча, верности руки, а хладнокровие может спасти неудачную битву. Тот, кто знает, когда его всадники должны начать стрельбу и когда им нужно спешиться, кто может смешать стрелков с остальными воинами так, чтобы и те и другие могли поддержать друг друга, кто умеет сохранить резерв и пустить его в сражение в решительную минуту, кто умеет сразу различить болотистую и холмистую почву — этот человек важнее для

войска, чем Роланд, Оливер и все паладины.

— Но если рыцари не поддержат его, то вся его головная работа окажется ни к чему.

— Это правда, Найгель; поэтому пусть каждый едет на войну с таким же горячим сердцем, как ваше. Однако мне нельзя медлить больше; следует исполнять королевскую службу. Я оденусь и прощусь с благородной дамой Эрминтрудой.

Чандос уехал в этот вечер. Проезжая по мирным долинам, он наигрывал на цитре. Он очень любил музыку и славился своими веселыми песнями. Поселяне выходили из своих хижин, смеялись и хлопали в ладоши. Богатый, полный голос то подымался, то опускался при веселых звуках струи. Немногие видевшие его и не подозревали, что этот странный одноглазый желтоволосый человек — храбрейший воин и искуснейший полководец в Европе. Только когда он въехал в фарнгэм, какой-то старый солдат в лохмотьях подбежал к его лошади и ухватился за уздечку, словно собака, от радости бросающаяся на своего господина. Чандос кинул ему ласковое слово и золотую монету.

Между тем молодой Найгель и леди Эрминтруда, наедине со своими затруднениями, печально взглянули друг на друга.

— Погреб почти пуст, — сказал Найгель — Там только два маленьких бочонка жидкого пива да

бочка вина с Канарских островов. Разве можно подать такие напитки королю и его придворным?

— Надо будет достать бордо. Если подать это вино, теленка пестрой коровы, курицу и гуся, то будет достаточно еды в случае, если он только переночует у нас. Сколько с ним будет людей?

— По крайней мере, с дюжину.

Старуха в отчаянии заломила руки.

— Ну, не огорчайтесь так, дорогая леди, — сказал Найгель. — Нам стоит только сказать слово, и король остановится в Уэверли, где он и его придворные найдут все, чего только пожелают.

— Ни за что! — крикнула леди Эрминтруда. — Вечный стыд и позор падет на нас, если королю придется проехать мимо нашей двери, когда он так милостиво сказал, что ему хотелось бы войти в нее. Ну, уж я устрою все. Никогда не думала, что буду принуждена сделать это; но я знаю, что он пожелал бы этого, — и сделаю.

Она подошла к старому железному ларю и, сняв с пояса небольшой ключ, отперла его. Заржавленные петли громко заскрипели, когда она подняла крышку. Очевидно, она очень редко проникала в эту сокровищницу. Наверху лежали остатки прежнего великолепия — шелковая мантия, усеянная золотыми звездами, шапочка серебряной филигранной работы, кусок венецианских кружев. Внизу были маленькие пакеты, завязанные в шелк.

Старая леди перебирала их с нежной заботливостью: мужская охотничья перчатка, детский башмачок, бант из полинявшей зеленой ленты, несколько писем, написанных грубым почерком, и ладанка с мощами св. Фомы. Потом, с самого дна ларя, она вынула каких-то три предмета, укутанных в шелковистую материю, развернула их и положила на стол. Один из них был браслет из грубого золота, украшенный необделанными рубинами, другой — золотой поднос и третий — высокий кубок из того же металла.

— Ты слышал от меня об этих вещах, Найгель, но никогда не видел их, потому что я не открывала ларь из опасения, чтоб в крайности мы не поддались искушению превратить их в деньги. Я держала их так, чтобы не видеть их, и даже старалась выкинуть их из мыслей. Но теперь задета честь нашего дома и надо расстаться и с ними. Эту чашу мой муж, сэра Нел Лорин, получил после взятия Бельгарда, где он и его товарищи бились с утра до вечера с цветом французского рыцарства. Этот поднос дал ему граф Пемброк на память о его храбрости на поле сражения при Фалкирке.

— А браслет, дорогая леди?

— Ты не будешь смеяться, Найгель?

— Нет, чего же мне смеяться?

— Браслет был призом царице красоты. Его дал мне за месяц до нашей свадьбы сэра Нел Лорин

перед всеми высокопоставленными дамами. «Царица красоты» — я, убогая старушка, какой ты меня видишь, Найгель. Пять сильных мужчин пало под его копьём, прежде чем он выиграл для меня это украшение. А теперь, на старости...

— Нет, дорогая, уважаемая леди, мы не расстанемся с ним.

— Расстанемся, Найгель. Он бы желал этого. Мне слышится, что он шепчет мне на ухо. Честь была для него все; остальное — ничто. Возьми браслет, Найгель, пока я не ослабела сердцем. Завтра ты поедешь с ним в Гилдфорд; повидеешься с золотых дел мастером Торолдом и получишь достаточно денег, чтобы заплатить за все нужное для приезда короля.

Она отвернулась, чтобы скрыть от внука, как исказилось ее сморщенное лицо, а шум опущенной железной крышки заглушил рыдание, вырвавшееся из ее измученной души.

VII. Как Найгель поехал в Гилдфорд за покупками

Было светлое июньское утро, когда Найгель, полный жизни, с легким сердцем, наслаждаясь весной, выехал из замка Тилфорд в город Гилдфорд. Рыжая боевая лошадь скакала и прыгала под ним, такая же веселая и свободная духом, как